

СУМЕЕШЬ ЛИ ТЫ СОХРАНИТЬ ТАЙНУ?

18+

СТАЯ

КЕЙТ СТЮАРТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

Кейт Стюарт

Стая

Серия «Бестселлеры Кейт Стюарт. Братство ворона»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67298879

Стая:

ISBN 978-5-17-139019-8

Аннотация

В юности я заболела.

Сразу внесу ясность.

В юности я верила, что истинные, по-настоящему достойные внимания истории любви состоят из страданий или потребности в колоссальных жертвах.

Вот почему моя вера была так крепка – потому что я вынудила себя верить. Я породила сущего мазохиста в сердце романтика, что и стало причиной моего недуга.

Мне это было неведомо, когда я проживала свою историю, свою исковерканную сказку, поскольку была юной и наивной. Я поддалась искушению и вскормила этого пульсирующего монстра, который с каждым ударом, с каждым толчком, с каждым вздохом алчно желал больше.

Трипл-Фоллс был совсем не таким, каким показался сначала, как и мужчины, которые приняли меня под свое крыло. Но чтобы быть с ними, мне пришлось стать соучастницей их секретов.

Секретов, которые стоили мне всего.

Вот в чем необычность вымысла в сравнении с реальностью. Нельзя прожить заново историю своей любви, потому что она заканчивается, как только ты понимаешь, что живешь ею. Во всяком случае, так было со мной и мужчинами, которым я доверила свое глупое сердце.

Спустя столько лет я убеждена, что сама претворила свою историю в жизнь под натиском болезни.

И все понесли наказание.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	15
Глава 2	26
Глава 3	31
Глава 4	58
Глава 5	69
Глава 6	74
Глава 7	79
Глава 8	86
Глава 9	93
Глава 10	100
Глава 11	103
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Кейт Стюарт

Стая

Flock

Copyright © 2020 by Kate Stewart

© Варвара Герасимова, перевод на русский язык

© Cover design by Okay Creations

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Посвящается моему брату Томми, который смело называет вещи своими именами, в чьей бы компании он ни находился. Ты научил меня, что сомневаться – нормально, но важно не заикливаться на этом.

Благодарю тебя.

С любовью и уважением к тебе, братишка.

Существует легенда о птице, которая поет только раз в жизни, и трель ее слаще любой песни на свете. Покинув родительское гнездо, птица отправляется на поиски тернового куста и не успокаивается, пока его не найдет. Заливаясь трелью среди неукротимых веток, птица бросается на самый длинный, самый острый шип. И возносясь над мучительной болью, она поет переливчато и звонче жаворонка или соловья. Одна волшебная песня ценой собственной жизни. Но весь мир замирает, слушая ее, и сам Господь на небесах улыбается. Потому как лучшее достается ценой

великих мук.

Коллин Маккалоу, «Поющие в терновнике»

Пролог

В юности я заболела.

Сразу внесу ясность: в юности я верила, что истинные, по-настоящему достойные внимания истории любви состоят из страданий или потребности в колоссальных жертвах.

Любимые мной книги, песни и фильмы о любви, находившие отклик в моем сердце, еще долго вынуждали меня печалиться после того, как была перевернута последняя страница, стихала заключительная нота или шли титры.

Вот почему моя вера была так крепка – потому что я вынудила себя верить. Я породила сущего мазохиста в сердце романтика, что и стало причиной моего недуга.

Мне это было неведомо, когда я проживала свою историю, свою исковерканную сказку, поскольку была юной и наивной. Я поддалась искушению и вскормила этого пульсирующего монстра, который с каждым ударом, с каждым толчком, с каждым вздохом алчно желал больше.

Вот в чем необычность вымысла в сравнении с реальностью. Нельзя прожить заново историю своей любви, потому что она заканчивается, как только ты понимаешь, что живешь ею. Во всяком случае, так было со мной.

Спустя столько лет я убеждена, что сама претворила свою историю в жизнь под натиском болезни.

И все понесли наказание.

Поэтому я снова здесь – чтобы напитать, оплакать и, возможно, исцелить свой недуг. Здесь моя история началась и здесь мне придется довести ее до конца.

Этот город-призрак – место, которое преследовало меня в кошмарах, которое меня создало. За несколько недель до моего девятнадцатилетия мать отправила меня жить к моему отцу. К человеку, в доме которого в детстве я провела всего несколько летних каникул. По прибытию я быстро поняла, что его взгляды на родительский долг не поменялись. Он обозначил те же порядки, что и раньше: как можно реже попадаться ему на глаза и быть тише воды ниже травы. Я была обязана придерживаться строжайших моральных устоев и показывать отличные результаты в учебе, поддерживая его уровень жизни.

В последующие месяцы я, будучи узницей в его королевстве, само собой, поступила с точностью до наоборот, погубив себя, а в дальнейшем бросив тень на его имя.

В ту пору я ни о чем не жалела – во всяком случае, когда дело касалось моего отца. Пока не оказалась вынуждена столкнуться с последствиями.

Я и сейчас, в свои двадцать шесть, до сих пор мирюсь с ними.

Теперь мне совершенно ясно, что я никогда не перерасту Трипл-Фоллис и не забуду то, что здесь испытала. Я пришла к этому заключению после многолетней борьбы. Отныне я другой человек, но изменилась еще до своего отъезда. Когда

все случилось, я твердо вознамерилась больше сюда не возвращаться. Но мне открылась приводящая в ярость истина: я никогда не смогу забыть прошлое. Поэтому я вернулась. Чтобы примириться со своей судьбой.

Я больше не в силах абстрагироваться от ненасытной потребности пульсирующего в моей груди сосуда или изводящего меня подсознания. Вопреки своим желанием, я никогда не стану женщиной, способной все забыть и оставить прошлое там, где ему самое место.

Ведя машину по извилистым дорогам, я опускаю окно, радушно привечая прохладный воздух. Мне необходимо закончить. Стоило выехать на шоссе, как в часы бодрствования в голове стали роиться воспоминания, которые я отчаянно пыталась усмирить с минуты побега.

Все дело в моих снах, которые отказываются меня освободить, которые продолжают свирепо сражаться в моей голове. Этот проигрыш терзает мне сердце, вынуждая проживать заново безжалостные отрезки из моей жизни, снова и снова начиная мучительный цикл.

Уже не один год я пытаюсь убедить себя, что после любви жизнь продолжается.

И, вероятно, для остальных это утверждение истинно, но со мной жизнь обошлась не так уж по-доброму.

Мне осточертело притворяться, что я не оставила свою душу между этими холмами и долинами, в лесной чаще, хранящей мои тайны.

Холодный ветер хлещет в лицо, но я по-прежнему чувствую кожей солнечное тепло. Вижу, как он заслоняет фигурой свет, ощущаю покалывающую уверенность, с которой он впервые меня коснулся, и мурашки, которые остались от его прикосновения.

Я до сих пор чувствую их всех – моих ребят с того лета.

Мы все виновны в случившемся и отбываем свое наказание. Мы вели себя безответственно и легкомысленно, думая, что наша юность делает нас несокрушимыми, освобождает от бремени наших грехов. И мы за это поплатились.

Когда я съезжаю с шоссе, на лобовое стекло тихо падает снег, посыпая тонким слоем деревья и землю. От хруста шин по гравию сердце стучит где-то в горле, а руки начинают трястись. Я обвожу взглядом нескончаемые вечнозеленые ели, растущие вдоль дороги, и пытаюсь убедить себя, что встреча лицом к лицу со своим прошлым – первый шаг в борьбе с тем, что преследовало меня долгие годы. Мне оставалось лишь обитать в тюрьме, которую я сама и выстроила. Вот та самая точная и разрушительная правда, с которой я намерена мужественно сразиться.

Многие считают всепоглощающую любовь подарком судьбы, тогда как я считаю ее проклятием. Проклятием, которое я не в силах снять. Я больше никогда не познаю любовь заново, как познала много лет назад. И не хочу. Не смогу. Я до сих пор ею больна.

У меня нет никаких сомнений в том, что это была любовь.

Бывает ли притяжение большей силы? К какому еще чувству я могла пристраститься на грани помешательства? Что могло вынудить меня совершить те поступки и жить с воспоминаниями об этой неправдоподобной сказке?

Даже предчувствуя опасность, я охотно сдалась.

Я не вняла ни одному предостережению. Я стала добровольной пленницей. Позволила любви управлять и губить меня. Я играла свою роль, прекрасно все понимая и искушая судьбу, пока она не сделала свое дело.

И даже не подумывала сбежать.

Остановившись у первого светофора на границе города, я кладу голову на руль и делаю глубокие вдохи, чтобы успокоиться. Мне презренно даже думать, что я, став другой женщиной, по-прежнему бессильна перед эмоциями, которые пробудила во мне эта поездка.

Вздыхнув, я оглядываюсь на сумку, которую считанные часы назад кинула на заднее сиденье, приняв окончательное решение. Я глажу большим пальцем обручальное кольцо, верчу его, чувствуя очередной укол вины. Все надежды на будущее, которые я выстраивала долгие годы, рухнули в ту минуту, когда я рассталась со своим женихом. Он отказался принять обратно кольцо, а мне еще предстояло его снять. Оно висело на моем пальце незримым грузом лжи. Проведенное здесь в прошлом время привело к еще одной потере – одной из многих.

Я была обручена с мужчиной, верным своим клятвам, с

мужчиной, достойным привязанности, бескорыстной любви. С преданным мужчиной с преданным сердцем и доброй душой. И я ни разу не была с ним честной. У меня не выйдет полюбить его так, как стоит жене любить мужа.

Он был для меня утешением, и принятие его предложения говорило о смирении. Когда я отменила нашу предстоящую свадьбу, то по одному только его взгляду поняла, что уничтожила жениха своей правдой.

Правдой, что я принадлежу другому. То, что осталось от моего сердца, тела и души принадлежит мужчине, который меня отверг.

Агония на лице моего жениха довела меня до предела. Он подарил мне свою любовь и преданность, а я выбросила их на ветер. Я сотворила с ним то, что сотворили со мной. Я ослушалась свое сердце, и мой господин и монстр стоили мне Коллина.

Спустя несколько минут я освободила нас обоих. Собрала сумку и покинула жениха в поисках кары. Я провела за рулем всю ночь, понимая, что время не играет никакой роли, оно несущественно. Меня никто не ждет.

Минуло уже больше шести лет, и вот я возвращаюсь к отправной точке – к жизни, от которой спаслась бегством. В душе творился кавардак, пока я взывала к разуму, говоря себе, что уход от Коллина не ошибка, а необходимое зло, которое я причинила, чтобы освободить его от своей лжи. Я поступила с ним подло, дав обещания, которые никогда бы

не исполнила. У меня больше нет сил любить и почитать в болезни и здравии, потому что я утаила силу своего недуга.

Я так и не призналась ему, что позволяла себя использовать, терзать, а порой унижать, и развращать... и что наслаждалась каждой секундой. Так и не поведала своему жениху, как обескровила свое сердце – лишилась его, – пока у него не осталось иного выбора, кроме как биться в отчетливом ритме, подстраиваемом под биение другого сердца. Тем самым я уничтожила свои шансы познать и принять любовь, которая исцеляет, а не ранит. Я знала и страстно желала только одну любовь – ту, что продлевает мою болезнь. Я болела от желания, от страсти, болела от жажды и тоски. Эта извращенная форма любви оставляет шрамы и изматывает сердца.

Если мне не удастся, пока я здесь, достаточно оплакать прошлое, чтобы излечиться, я продолжу болеть и дальше. Таковым станет мое проклятие.

Меня вовсе не ждет счастливый финал, потому что я упустила шанс, приспособившись к темной стороне. Я привыкла к ней, сбросив за тот год все запреты, откликаясь на отвержение и боль и теряя все нормы нравственности.

Об этом не говорят вслух. Такие признания уважаемые женщины не должны озвучивать. Ни при каких обстоятельствах.

Но настало время признаться – больше даже себе, чем другим, – что я сама отказалась от шанса на нормальные, здоровые отношения из-за того, какой стала, и из-за мужчин,

которые этому поспособствовали.

Сейчас я просто хочу смириться со своей сущностью и забыть о финале, который меня ждет.

Самое трудное во всем этом – не жених, чье сердце я разбила. А понимание, что один-единственный мужчина, которому хранило верность мое сердце, никогда со мной не будет.

Меня охватывает тревога, когда всплывают еще одни воспоминания. Я до сих пор слышу его запах, чувствую в своем теле его увеличивающуюся плоть, ощущаю его соленую сперму и вижу удовлетворенное выражение в его подернутых пеленой глазах. Я до сих пор испытываю сильный трепет от бросаемых им взглядов, слышу рокот его мрачных смешков и ощущаю цельность его прикосновений.

Когда я въезжаю в город, на меня снова и снова обрушиваются воспоминания. Мои намерения встретиться лицом к лицу с тем, что не давало мне покоя, начинают рушиться кусочек за кусочком. Потому что у меня есть некие представления, как выглядит истинный финал, и больше мне не удастся его избежать.

Возможно, нет никакого исцеления и забвения, но сейчас самое время разделаться с нерешенной проблемой.

Да начнется охота за призраками.

Глава 1

Подъехав к внушительным железным воротам, я набираю код, который дал мне Роман, и, разинув рот, во все глаза смотрю на представшее передо мной огромное поместье. Кругом ярко-зеленая трава и деревья, а вдалеке стоит внушительный дом. Чем ближе я к нему подхожу, тем явственнее ощущаю себя здесь посторонней. Слева от этого дворца располагается гараж на четыре машины, но я решаю припарковаться на круговой дорожке у подножия террасы. Выйдя из машины, разминаю ноги. Дорога не заняла много времени, однако с каждым километром конечности только сильнее деревенели. Дом роскошный, но мне кажется скорее тюрьмой, и сегодня первый день моего заточения.

Открыв багажник, я вытаскиваю сумки и поднимаюсь по ступеням, изучая далекую от цивилизации землю. Все здесь кажется неприветливым, кроме земли, на которой стоит этот дом. Так и несет богатством.

Ногой прикрыв за собой дверь, я оглядываю холл, в котором на одиноком столе стоит огромная пустая ваза. Уверена, она дороже моей машины. По правую сторону – парадная лестница, по левую – с помпой обставленная столовая. Решив отложить экскурсию по дому, я плечом прижимаю телефон к уху и тащу сумки на второй этаж. Она отвечает после второго гудка.

– Привет, подруга, я на месте.

– Бред какой-то, – приветствует Кристи, когда я захожу в специально выделенную для меня камеру и осматриваюсь. В комнате стоит совершенно белая кровать с балдахином, которую выбрал для меня отец. Здесь точно такого же цвета шкаф, комод и туалетный столик. Жутко пафосно, кристально-белоснежно и совершенно не отвечает моему вкусу, что вовсе не удивляет. Отец совсем меня не знает.

– Это всего лишь до следующей осени.

– Год, Сесилия, целый год. Мы только что закончили школу. Это наше последнее лето перед колледжем, и именно сейчас твоя мама решила пожить для себя?

Все не совсем так, как говорит Кристи, но ради матери не пытаюсь переубедить подругу, потому что до сих пор не знаю, как объяснить случившееся. Горькая правда в том, что у моей матери случился колоссальный нервный срыв. Из-за него она потеряла работу и пыталась скопить денег, чтобы оплатить счета, которые ей больше были не по карману. Ее парень предложил ей пожить у него – ключевое слово «ей», а не ее внебрачной дочери. Мы с матерью всегда были близки, но даже я в последнее время перестала ее узнавать. Я старалась вести себя как хорошая девочка, но несколько месяцев назад мама ушла в себя, неделями денно и ночью распивая водку, пока не перестала вылезать из постели. Она почти отказалась от меня ради ежедневных пьянок. Я слезно молила ее дать мне объяснения, ответы, но ничего не добилась. Я

не знала, как ей помочь, поэтому не стала печалить ее еще сильнее, рассказав, что приняла предложение отца и условия проживания в его доме.

Наблюдая, как моя мать разрушает себя, я приходила в ужас и не хотела, чтобы она осталась без присмотра в таком состоянии. Тем более, учитывая, что все эти годы она была матерью-одиночкой. Когда меня охватило отчаяние, я попросила отца продлить алименты – только на время, – чтобы помочь ей справиться финансово, хотя деньги, которые он отправлял ежемесячно и исправно ему были как слону дробина. Сумма едва ли превышала стоимость одного его пошитого на заказ костюма. Отец отказал и незадолго до окончания школы подписал последний чек, словно выдавая зарплату за оказанные услуги, будто моя мать была его рядовым сотрудником.

Даже в самых смелых фантазиях я не могла вообразить, как они вообще сошлись, как умудрились зачать меня, потому что такие люди не имели права размножаться. Они – полные противоположности. Моя мать... ну, до недавнего времени это была свободная духом женщина с множеством пороков. Мой отец – консерватор с острым языком и военной самодисциплиной. Насколько я помню, его график распisan по часам и подвергается изменениям лишь в самых редких случаях. Он просыпается, тренируется в спортзале, съедает половину грейпфрута и уезжает на работу до заката. Помню по детству, что единственная поблажка, которую он

себе позволял, – несколько стаканов джина в конце затяжного рабочего дня. Вот и вся личная информация, что мне известна из-за его сдержанности. Остальное я могу прочесть в Интернете. Отцу принадлежит «Фортуна 500» – компания, которая раньше производила химические реагенты, а теперь производит электронику. Его офис-небоскреб находится в часе езды от Шарлотт, а основное производство располагается здесь, в Трипл-Фоллс. Даже не сомневаюсь, что отец неслучайно построил завод в городе, где рос сам. Я убеждена, что он получает удовольствие, козыряя своими достижениями перед бывшими одноклассниками, некоторые из которых теперь на него работают.

Завтра я примкну к их числу. Я не какая-то там наследница трастового фонда. Во всяком случае, так было все эти годы, пока я жила с мамой в нашем съемном обветшалом доме. В двадцатый день рождения я унаследую кучу акций компании вместе с круглой суммой. Мне доподлинно известно, что срок выбран неслучайно, потому как отец не желал, чтобы моя мать хоть как-то приближалась к его состоянию. В плане денег он всегда жадничал. На протяжении всей моей жизни он давал минимум денег, держа маму на отведенном ей месте в пищевой цепочке. И без того понятно, что у него не осталось к ней ни капли теплых чувств.

На короткое время я познала обе стороны нищеты из-за их разного как день и ночь жизненного уклада. Чтобы досадить отцу, я приму пакет акций и деньги и пойду против его

воли. Как только я обрету независимость, моей матери больше не придется работать. Любые свои свершения я намерена использовать себе во благо. Однако меня привел сюда страх неудачи и вероятность, что моя ставка на себя дорого обойдется матери. Для того чтобы привести в исполнение свой план, придется подыграть отцу. То есть быть «признательной и вежливой, чтобы изучить тонкости бизнеса, даже если мои способности на нулевой отметке».

Труднее всего будет обуздать свой нрав и унять обиду, которая сразу же вылезла на первый план, поскольку минувший год не был бы таким затруднительным для нас обоих, если бы отец отнесся по-человечески к женщине, которая была мне единственным родителем.

Я не испытываю к отцу ненависть, просто не понимаю его и его непростительное бездушие и никогда не пойму. И не готова провести весь следующий год, пытаясь его понять. У него постоянно был повелительный и комканый стиль общения. Он всегда был денежным добытчиком, а не папой. Я уважаю его трудовую дисциплину и успехи, но совершенно не понимаю, откуда взялись его неспособность соперничать и черствость.

– Буду приезжать домой, как только появится возможность, – говорю я Кристи, но сама сомневаюсь, что смогу выполнить обещание из-за своего графика.

– Я тоже приеду.

Открыв верхний ящик комода, я закидываю туда грудку

носков и нижнего белья.

– Давай-ка перед тем, как ты заправишь машину, убедимся, что Адольф не против, если ты займешь гостевую комнату.

– Воспользуюсь маминой кредиткой и сниму номер в отеле. Нахрен твоего папашу.

Я смеюсь, но в этой огромной комнате мой смех звучит странно.

– Ты сегодня не очень расположена к моим родителям.

– Я люблю твою маму, но не понимаю. Может, нужно захватить с ней повидаться.

– Она переехала к Тимоти.

– Правда? Когда?

– Вчера. Просто дай ей время обжиться.

– Ладно, просто... – Подруга некоторое время молчит. – Почему я слышу об этом только сейчас? Я знала, что ситуация становится хуже, но что происходит на самом деле?

– Если честно, я не знаю, – вздыхаю я, вновь сдавшись чувству обиды. Я не привыкла что-то скрывать от Кристи. – С ней что-то происходит. Тимоти – порядочный парень, я ему доверяю.

– Вот только он не разрешил тебе к нему переехать.

– Справедливости ради, я взрослая, а у него не так много места.

– И все равно мне интересно, почему она не против, что именно теперь ты живешь со своим папой.

– Я же тебе рассказывала, что должна проработать год на заводе, чтобы помочь ей встать на ноги. Не хочу волноваться за нее, пока буду в колледже.

– Это не твоя обязанность.

– Я в курсе.

– Не ты родитель.

– Мы обе знаем, что так и есть. Так что вернемся к нашим планам, как только я вернусь домой.

Меня удивило, когда отец милостиво разрешил пару семестров проучиться в местном колледже, а не стал заставлять меня брать академический отпуск, чтобы начать учебу попозже, в колледже, который отвечал бы его требованиям. Деньги его, только отец может оплатить мне колледж, поэтому, победив в ходе переговоров, я поняла, что так он хотел найти компромисс и отказался от роли вечного деспота.

Я разглядываю комнату.

– С одиннадцати лет за лето я провела с ним не больше дня.

– Почему так?

– Всегда что-то мешало. Он утверждал, что несколько недель – даже месяцев – ему мешали заботиться обо мне поездки за границу и расширение бизнеса. Дело в том, что у меня начались месячные, выросла грудь, появилась на все своя точка зрения, с чем он не смог смириться. Думаю, самый главный страх Романа – быть родителем по-настоящему.

– Так странно, что ты называешь своего папу по имени.

– Не в лицо. Когда я здесь, то зову его «сэр».

– Ты ни разу про него не рассказывала.

– Потому что я его не знаю.

– Так когда ты заступаешь на работу?

– Смены у меня с трех до одиннадцати, а завтра инструктаж.

– Набери меня, как освободишься. А теперь иди распаковывать чемодан.

До меня доходит, что, как только мы перестанем разговаривать, я засяду в этой тихой комнате, останусь дома в полном одиночестве. Роману даже не хватило приличий встретить меня дома и помочь обустроиться.

– Си? – В голосе Кристи звучит та же неуверенность, какую ощущаю и я.

– Вот дерьмо. Ладно, теперь я это чувствую. – Я открываю остекленные двери, которые ведут на мой личный балкон, и смотрю вниз на участок земли, находящийся в идеальном состоянии. Вокруг лишь густой покров зеленеющей травы, постриженной по диагонали, а за ней густой лес, обступивший сотовую вышку. Ближе к дому – ухоженный сад, южная пышность которого режет глаз. Решетка, сводом раскинувшаяся над скульптурными фонтанами, увита глицинией. Живая изгородь из стриженной жимолости проглядывает сквозь неравномерную ограду. Вместе с приветливо налетевшим ветерком я чувствую аромат цветов. По всему ухожен-

ному саду расположены обитые бархатом кресла, и я решаю, что здесь будет мой потаенный уголок для чтения. Огромный переливающийся бассейн так и манит, особенно из-за раздухарившегося летнего зноя, но мне не по себе, как новому жильцу этого дворца, и даже думать не могу, чтобы воспользоваться им в личных целях.

– Боже, это так странно.

– Ты справишься.

Взволнованная интонация в голосе Кристи огорчает. Мы обе молчим в нерешительности, которая только добавляет мне страха.

– Я надеюсь.

– Чуть больше года – и ты вернешься домой. Си, тебе почти девятнадцать. Если тебе так претит там жить, ты вполне можешь уехать.

– Верно. – Это правда, но моя договоренность с Романом – совсем другое дело. Если я откажусь от работы на заводе, то потеряю наследство – деньги, которые могут погасить долг моей матери и обеспечить ей достойное существование на всю оставшуюся жизнь. Я не могу и не стану так с ней поступать. Она работала до изнеможения, чтобы вырастить меня.

Кристи правильно истолковывает мое замешательство.

– Это не твоя вина. Си, это ее обязанность – заботиться о тебе. Это долг родителя, поэтому тебе уж точно не стоит чувствовать себя обязанной и откупаться.

Это правда, и я сама прекрасно знаю. Но обследовав без-

душный замок Романа, осознаю, что скучаю по матери. Может, это расстояние и отношение отца вынуждают меня чувствовать еще большую благодарность маме. Как бы то ни было, я хочу заботиться о ней.

– Я знаю, что мать меня любит, – говорю я больше для себя, чем для Кристи. Мамина отстраненность от жизни, от меня после стольких лет вместе стала суровым и обескураживающим сюрпризом.

– Я, со своей стороны, не стала бы тебя винить, если бы ты немного раскрепостилась. Я люблю твою маму, но они оба пока кажутся никчемными родителями.

– Роман строгий, не доставляет хлопот, и мы же выжили как-то, проведя вместе несколько летних каникул. Нам удалось избегать друг друга несколько лет. Я не надеюсь обрести родственные узы, просто хочу выжить. Это место кажется... чужим.

– Раньше ты там не бывала?

– В этом доме нет. Он построил его после того, как я перестала приезжать на лето. Думаю, он чаще живет в своей квартире в Шарлотт. – Напротив моей спальни в нескольких метрах расположена еще одна дверь. Я открываю ее и с облегчением понимаю, что это гостевая комната. Слева от лестницы мезонин, с которого открывается вид на холл на первом этаже и который ведет в длинный коридор с большим количеством закрытых дверей. – Похоже, что я буду жить в музее.

– Как меня это бесит. – Кристи вздыхает, но ее вздох больше напоминает хныканье, и я буквально ощущаю ее обиду. Мы дружим со средней школы и со знакомства не расставались. Я не знаю, как прожить без нее даже день, и, по правде говоря, не хочу. Но ради маминого благополучия постараюсь. Немногим больше года в провинциальном городишке посреди Голубого хребта¹ – и я свободна. Остается лишь надеяться, что время пролетит незаметно.

– Просто найди себе развлечение. По возможности с пенисом.

– Так вот какой выход из положения ты предлагаешь? – Я возвращаюсь в спальню и выхожу на балкон.

– Ты бы меня поняла, если бы хоть разок послушалась.

– Так и было, и посмотри, чем все обернулось.

– То были мальчишки, а ты найди себе мужчину. Просто подожди, подружка. Ты порвешь этот город, как только они хорошенько тебя рассмотрят.

– Сейчас мне на это глубоко плевать. – Я смотрю на впечатляющие горы, простирающиеся за частным лесом. – Я официально живу на другом конце света. Это так странно.

– Могу лишь представить. Не вешай нос! Звякни завтра после инструктажа.

– Окей.

– Люблю тебя.

¹ Горный массив, расположенный в восточной части США.

Глава 2

Чертыхаясь, как сапожник, я занимаю место в последнем ряду на заводской парковке и быстро пробираюсь через машины к лобби. После вчерашнего черствого и однообразного ужина с отцом сейчас меньше всего хочется слушать нотации по поводу пунктуальности. Примерно час я была вынуждена провести под зорким, испытующим взглядом и потому теперь безмерно рада своему новому графику, благодаря которому частенько буду работать допоздна. Солнечное тепло исчезает сразу же, как я оказываюсь за стеклянными дверями. От здания пахнет ветхостью. Впрочем, отполированные кафельные полы потрескались и облупились после многолетнего использования. Посреди лобби в горшке стоит огромный папоротник, который наводит на мысли, что где-то внутри присутствует жизнь, но при более внимательном рассмотрении я понимаю, что растение искусственное и затянато паутиной. Один-единственный охранник, возраст которого уже далеко миновал период расцвета, празднично стоит у рецепшена возле пожилой, хорошо одетой женщины с прозорливыми серыми глазами.

– Здравствуйте, я Сесилия Хорнер, пришла на инструктаж.

– Я в курсе, мисс Хорнер. Вам в последнюю дверь слева, – отвечает она и оценивающим взглядом осматривает мое

платье, показывая на длинный коридор. После этого пренебрежительного жеста я поднимаюсь по ступенькам, прохожу мимо нескольких пустующих кабинетов и очень вовремя проскакиваю мимо женщины, придерживающей дверь для отставших новичков. Она встречает меня теплой улыбкой, и, наверное, это единственный источник тепла в здании, поскольку я дрожу от этого стылого микроклимата. Женщина наказывает мне заполнить бейджик, что я и делаю, прикрепив его к сарафану, который предпочла сегодня надеть напоследок перед тем, как облачусь в желтовато-серую униформу, дожидаящуюся меня в шкафу. Я чувствую на себе тяжелые взгляды тех, кто уже сидит, и решаю расположиться на ближайшем свободном месте.

В комнате темно, единственным источником света служит экран проектора, на котором жирным шрифтом написано «Добро пожаловать», а внизу обозначен логотип компании «Хорнер Технолоджис».

Я ни разу не испытывала чувства гордости за свою фамилию. Насколько мне известно, я стала случайной ошибкой Романа, которую с помощью денег он смог убрать из своей жизни. У меня нет иллюзий, что однажды мы сблизимся. Он не смотрит на меня с беспощадным равнодушием, с которым взирает на мою мать, судя по нескольким встречам, коим я стала свидетелем, но я точно не представляю для него никакого интереса.

Ужин прошлым вечером вышел, мягко говоря, неловким,

разговор был очень натянутым. Сегодня я здесь по его приказу. Еще один рабочий муравьишка на его промышленной ферме. Слово он в очередной раз пытается дать мне жизненный урок, что упорный труд себя окупает, но мне ли этого не знать. Я оплачиваю все свои нужды с тех пор, как у меня появилась возможность работать: купила первую машину и вносила страховые взносы, стараясь не превышать лимит чековой книжки. Зато я отлично знаю, что мне нечему учиться у Романа. Я даже не сомневаюсь, что чем дольше стану подчиняться его требованиям и соглашаться с его планами на меня, тем яростнее будет мое возмущение.

Это все ради мамы.

Женщина, которая встретила меня в дверях, выходит на середину комнаты и улыбается.

– Похоже, все на месте, так что начнем. Я Джеки Браун – да, как в фильме². – Никто из нас не смеется. – Я директор по персоналу и работаю на «Хорнер Тех» восемь лет. Рада всех приветствовать на нашем инструктаже. Я была бы признательна, если бы каждый из вас встал и рассказал о себе в двух словах, чтобы со всеми познакомиться.

Я сижу в первом ряду, и она кивает в мою сторону. Я с неохотой встаю, не потрудившись повернуться лицом к остальным собравшимся в комнате, и произношу исключительно для нее:

² Криминальная драма Квентина Тарантино.

– Меня зовут Сесилия – не как в песне³. Только переехала. Хочу сразу уточнить: эта компания принадлежит моему отцу, но я не хочу к себе особого отношения. И обещаю не стучать, если вам понадобится дополнительный перекур или дневная услада⁴ в подсобке.

Джеки Браун с изумлением смотрит на меня, не оценив мою вступительную речь, а за спиной раздаются смешки. Сев на место, я проклиная свое неумение скрыть озлобленность, которая вдруг подняла свою уродливую голову. Не стоило играть с огнем в первый же день. Можно даже не сомневаться, что отец об этом узнает. Но я жалею только о неизбежных последствиях. В сотый раз напоминаю себе, что приехала сюда ради мамы, и клянусь держать свою точку зрения при себе – во всяком случае, пока не кончится испытательный срок.

– Теперь вы, позади нее.

За моей спиной слышится шорох, и я улавливаю слабый аромат кедра.

– Я Шон, никак не связан с главным, и работаю на «Хорнер Тех» второй раз. Я ненадолго покинул свой пост. И был бы очень рад дневной усладе в подсобке.

В комнате раздается сдавленный смех, и впервые за многие дни на моем лице появляется улыбка.

³ Сингл американского музыкального дуэта Simon&Garfunkel.

⁴ Хит, записанный вокальной группой Starland, известной своей близкой гармонией и сексуальной игрой слов.

Я сажусь вполоборота и встречаюсь с веселыми карими глазами. От его пристального взгляда по коже бегут мурашки. В полуметре при тусклом свете мне удастся разглядеть привлекательные черты лица вкупе с потрясающим телосложением. Грудные мышцы облегают футболка, а когда парень занимает свое место, я замечаю, как классно сидят на нем джинсы. Некоторое время мы играем в гляделки, но наступает неловкий момент, и я поворачиваюсь лицом к Джеки Браун.

– Рада снова тебя видеть, Шон. И прошу впредь воздерживаться от подобных комментариев.

Мне приходится приложить усилия, чтобы скрыть улыбку, и я чувствую на себе взгляд Шона. Собравшиеся в комнате встают по очереди, чтобы представиться.

Может, здесь будет не так уж и плохо.

Глава 3

– Эй, Дневная Услада! – раздаётся за спиной веселый возглас, когда я иду по парковке. – Подожди!

Нахмурившись, я поворачиваюсь и вижу, как ко мне между рядами машин пробирается Шон. Уперев руки в бока, я испепеляю его взглядом, а потом оказываюсь вынуждена смотреть на него снизу вверх из-за разницы в росте.

При ярком дневном свете он гораздо великолепнее, чем показалось вначале. Приходится взять себя в руки, чтобы не тарашиться на парня с глупым видом. От его внешности я немею: взъерошенные светло-русые волосы с прядями платинового оттенка, загорелая кожа, нереальное телосложение и карие глаза, в которых читается превосходство. А еще крепкий нос с небольшой горбинкой на переносице и гармоничной шириной крыльев. А его губы... только одни его губы привлекают мое алчное внимание. Шон высовывает язык, просунув его в пирсинг в углу рта, и выпячивает полную нижнюю губу. Он проводит взглядом по моему телу, и на его лице появляется ухмылка. Я вволю люблюсь им, медленно оглядывая ярко выраженное адамово яблоко, широкие плечи, и спускаюсь ниже и ниже. Почти всю левую руку покрывает большая татуировка: над локтем начинается темный кончик покрытого перьями крыла и поднимается до самой шеи.

– Меня не так зовут.

– Извини, – ослепительная улыбка, – не смог устоять.

– Уж постарайся.

От его смешка по коже бегут мурашки.

– Обязательно. Это было довольно смело.

– Ну, да. Я не настроена на эту работу. Это условие моего наказания.

Шон хмурится.

– Наказания?

– Из-за моей фамилии. Меня вынудили проработать здесь год, поэтому я это заслужила. Наверное. – Я пожимаю плечами, словно не сказанула только что лишнего из-за озлобленности.

– Хм, ты не одна такая. Я и сам не в восторге от своего возвращения.

Он старше меня. Думаю, Шону около двадцати пяти. Его невозможно не заметить из-за безумной привлекательности и соблазнительного аромата – кедра и чего-то еще, что я никак не могу определить. Невозможно устоять перед его сбивающей с ног энергетикой. Чем дольше он стоит под золотыми солнечными лучами, тем сильнее их впитывает. Меня настораживает, что от одного взгляда на него я так сильно нервничаю. Но не виню себя, потому что взгляд у него не менее наглый. Сегодня утром, несмотря на довольно угрюмое настроение, я принарядилась и сейчас рада, что не пожалела усилий. Я стою перед Шоном в черном сарафане в белый го-

рошек длиной до колена и с завязками на шее. Я распустила волосы, и они гладким шелком струятся по плечам. Даже потратила время, чтобы накрасить ресницы и нанести обильный слой блеска на губы, которые теперь облизываю, и Шон опускает на них взгляд.

– Сесилия, верно?

Я киваю.

– Чем планируешь заняться?

– А что?

Шон проводит рукой по небрежно взъерошенной шевелюре.

– Ты же новенькая в городе? Здесь неподалеку у меня с соседями по комнате есть одно местечко. Сегодня собираемся, подумал, может, захочешь с нами.

– Я, пожалуй, пас.

Он наклоняет голову, изумленный моим быстрым ответом.

– Почему?

– Потому что я тебя не знаю.

– В том и суть приглашения. – Его губы, возможно, и шевелятся в обмене любезностями, но глазами он меня так пожирает, что становится неуютно.

– Мой прокол на знакомстве, похоже, дал тебе неверное впечатление обо мне.

– Я не строю никаких домыслов, клянусь. – Шон поворачивает руки ладонями вверх, и на правом запястье показы-

вається витатуированный туз, как будто он прячет в рукаве козырную карту.

Остроумно.

Он подмигивает, и возникает ощущение, будто Шон только что поцеловал меня в щеку. Дома из интересных занятий только чтение и плавание, а еще есть подозрение, что этим я и прозанимаюсь все лето. Я окидываю его строгим взглядом и протягиваю руку.

– Покажи свое водительское удостоверение.

Изогнув густую светлую бровь, Шон вытаскивает кошелек и отдает мне права. Я забираю протянутую карточку, смотрю на нее и на него. Между его губ свисает сигарета, и Шон щелкает черной титановой зажигалкой, а я перевожу внимание обратно на его права.

– Ты же в курсе, что курение убивает?

– Кто-то же должен перенять дурные привычки моего старика, – тут же отвечает он.

– Альфред Шон Робертс, двадцать пять лет, по гороскопу Дева. – Я делаю снимок его прав и отправляю сообщение Кристи.

«Если меня найдут мертвой, то виноват этот чувак».

Она тут же начинает печатать ответ. Да, я понимаю, что она офигевает. Фотография плохо передает его реальную внешность. Она выводит из себя и кажется неуместной в этом городе.

– Отправляешь для подстраховки смс? – спрашивает

Шон, поняв, что я делаю.

– Именно. – Я отдаю ему права. – Если не доберусь до дома, ты станешь главным подозреваемым.

Он обдумывает мое заявление.

– Ты вообще веселишься?

– В каком смысле?

– Во всех смыслах.

– На самом деле нет.

Шон смотрит на меня с таким... напряжением, его поза становится неуверенной, словно он прикидывает, не забрать ли обратно свое приглашение. Несмотря на то, что я слегка обижена, решаю облегчить ему задачу.

– Я так понимаю – проехали. Не бери в голову, до встречи...

– Дело не в этом, просто... – Шон обхватывает шею ладонью. – Господи, здорово я все испортил. Просто эти парни, они... ну, они...

– Шон, я была на куче вечеринок. Я не Красная Шапочка.

Ответом мне становится ухмылка. Шон приминает сигарету коричневым ботинком с пятнами от масла.

– Вот и хорошо, ведь мы не хотим, чтобы волк взял след.

– Так куда именно ты меня приглашаешь?

Он дарит мне ослепительную улыбку, которая бьет прямо в сердце.

– Я же тебе говорил. В одно местечко.

Стоит быть начеку, особенно из-за его нерешительности,

но я несказанно заинтригована.

– Веди.

Мы подъезжаем к двухэтажному дому – единственному в тесном переулке. Остальные дома на этой улице стоят довольно далеко друг от друга, чтобы каждому хватало личного пространства. Этот район очень отличается от того, в котором я провела детство. Я выхожу из своей «Камри» и подхожу к машине Шона – классическому автомобилю, от которого я изо всех сил старалась не отставать по пути сюда. Машина ярко-красная, похоже, недавно отполирована и идеально его дополняет. Оставшиеся парковочные места по кругу и вдоль улицы занимают такие же машины: либо классическое натертое до блеска железо с мощными движками, либо огромные грузовики, в которые так сложно забраться.

– Красивая, – говорю я Шону, когда он выходит из машины и закрывает дверь. Его глаза скрыты за винтажными темными очками в стиле Элвиса из Вегаса. На другом парне они смотрелись бы смешно, Шону очень шли. Отводя взор,

я провожу пальцами по глянцевой поверхности машины. –
Что это за модель?

– «Шевроле Нова 69»

– Мне очень нравится.

Белоснежная улыбка.

– Мне тоже. Пойдем.

Я смотрю на подъездную дорожку и ясно вижу, что дом с коричневыми ставнями годится для холостяков. Ничего особенного – лужайка довольно ухоженная и чистая, но ей не хватает какой-то изюминки. На крыльце собралась небольшая компания, и некоторые уже повернули головы в нашу сторону.

В приступе внезапной социофобии я резко останавливаюсь. Шон продолжает идти вперед, и я отстаю от него на несколько шагов. Когда он понимает, что меня рядом нет, то поворачивается, и я прижимаю запястье к другой руке.

– Кто здесь живет?

– Я и еще два парня. Они мне как братья, и оба кусаются.

– Обнадеживает.

Он поднимает очки на макушку и настороженно на меня смотрит.

– Может, нам стоит поехать в другое место.

– Правда?

Шон размашистым шагом подходит ко мне и говорит спокойным тоном:

– Знаешь, признаюсь: там, на заводе, я принял тебя за

бульдога, а ты щеночек.

Я злобно смотрю на него.

Шон тыкает мне пальцем в лицо, на его губах тут же появляется улыбка.

– Вот теперь да, такое выражение лица – и ты покинешь этот дом целой и невредимой. Получится у тебя ходить с такой физиономией?

– Не понимаю. Разве они тебе не друзья?

Он уверенно поднимает руку и убирает с моего плеча волосы. Я даже не шелохнулась.

– Дернись ты, я бы отвез тебя в другое место, но ты пересилила себя. Просто не обращай внимания на подколы, как игнорировала мои, и справишься.

Он берет меня за руку, и мы поднимаемся мимо той компании на крыльцо, замерев у входной двери.

– Кто это? – доносится голос с качелей на крыльце. Он принадлежит парню, который обнимает девушку, и оба смотрят на меня с интересом. Я практически читаю на лицах обоих: «Мы не особо рады чужакам».

– Новенькая с завода. Сесилия, это Джеймс, а это его девушка Хизер. – Шон кивает на столпившихся у ограждения парней, которые внимательно меня разглядывают, попивая пиво. – Рассел, Питер, Джереми, Тайлер.

Они все кивают мне, и по спине пробегают странные мурашки, но не совсем неприятные. Почему-то это напоминает дежавю. После знакомства Тайлер смотрит на меня дольше

остальных, и я замечаю кончик крыла под краем его футболки, когда он подносит пиво ко рту. Мы не отводим друг от друга взгляда до тех пор, пока меня не уведут в дом.

Несмотря на надвигающиеся сомнения, здесь я чувствую себя комфортнее, чем в доме отца, и с каждым шагом пытаюсь напитаться этим ощущением. Переступив порог, я осматриваю безукоризненный дом. Стены явно недавно покрасили, а мебель еще новая. В гостиной никого нет, кроме увлеченно болтающей на диване парочки. Парень бегло окидывает меня взглядом, кивает Шону, пока тот ведет меня к раздвижной стеклянной двери. Оказавшись в патио, я прихожу в бешенство, а волосы на затылке встают дыбом. Меня как будто выставили напоказ, что недалеко от правды, потому что задний дворик кишмя кишит людьми. Из рядом стоящего барбекю валит дым, как и изо рта некоторых, кто стоит рядом с забором, огораживающим двор. Слева от нас длинный стол, забитый людьми, которые пьют шоты и играют в карты. Похоже, это сборище скоро перерастет в нешуточную вечеринку. Шон ведет меня в центр, где рядом со скамейкой для пикника стоят холодильники, доверху забитые пивом.

– Симпатичное местечко.

– Спасибо, мы старались. Пива?

– Я... – Я замолкаю, намереваясь вписаться несмотря на то, что выделяюсь на фоне остальных, как неопытная белая ворона. Когда я пила в последний раз, это плохо кончилось. – Да, буду одну.

Он откручивает крышку с бутылки сидра.

– Думаю, это девчачий напиток.

Я делаю глоток, распробовав, еще один. Губы Шона приподнимаются в непристойной улыбке.

– Ну как?

– Неплохо.

– Полагаю, стоит спросить, сколько тебе лет.

– Достаточно взрослая, чтобы голосовать, но пить возбуждается законом.

Он опускает голову.

– Не настолько юная. Через несколько недель исполнится девятнадцать.

– Черт. – Он внимательно на меня смотрит. – А я полагал, что это я добавлю тебе проблем на голову.

Я дважды стучу по лбу.

– Вот такая я коварная.

– Ты проблема, – говорит он, смотря мне в глаза. – Я вижу.

– Я безобидна.

– Нет, это не так. – Шон медленно качает головой. – Со всем не так. – Он вытаскивает пиво из холодильника и, не отрывая от меня взгляда, открывает крышку. – Проголодалась?

– Умираю от голода, – честно признаюсь я. В животе урчит от запаха, заполнившего двор.

– Скоро приготовится. – Один из парней, играющих на крыльце в карты, машет Шону, устремив на меня пытливым взгляд. – Ничего, если отойду на секунду?

– Хорошо.

– Скоро вернусь.

Шон отходит, и я пялюсь на его задницу. Позади меня раздаётся женский смех, и обернувшись, я вижу идущую ко мне девушку. Она красива, с длинными светлыми волосами, светло-голубыми глазами и, по моему мнению, идеальным телом. Миниатюрная, с приятными формами. Из-за последнего скачка роста я возвышаюсь над ней со своими ста семьюдесятью пятью сантиметрами. От отца мне достались голубые глаза и темно-рыжие волосы, а от мамы – немного непропорциональное телосложение. Грудь второго размера мне компенсирует пышная задница.

Девушка широко улыбается.

– Не могу тебя винить, его зад такой подтянутый, что четвертак отскочит.

– Неужели это так очевидно?

– Немного. – Она достает из холодильника сидр, открывает крышку и отпивает. – Но мы все тут пьемся на эту задницу. Я Лайла.

– Сесилия.

– Откуда знаешь Шона?

– Я его не знаю. Повстречала сегодня на инструктаже.

Она морщит нос.

– Ты работаешь на заводе?

– Завтра первая смена. Только вчера сюда переехала.

– После окончания школы я работала на заводе несколько

лет, но больше вытерпеть не смогла. Все местные жители работают на этом заводе или когда-то работали. Владелец тот еще козел. У него тут где-то свой замок. – Она поворачивается ко мне. – Я понимаю, почему местные там работают, но ты-то зачем устроилась на такую работу?

– Я дочь этого «козла».

Она наклоняет голову, чуть округлив ясные голубые глаза, а потом смотрит туда, куда ушел Шон.

– Не врешь?

– Да, и, поверь, я сама в ужасе.

– Ты уже мне нравишься. – Лайла отпивает сидра и окидывает взглядом двор. – Новый день – та же хрень.

– Они часто так собираются?

– О да... – Она отмахивается, как будто эта тема ей неинтересна. – А откуда ты переехала?

– Пичтри-Сити, недалеко от Атланты.

– Почему решила сюда перебраться?

Пожав плечами, отвечаю:

– Родители-одиночки, в этом году мать передала эстафету.

– Паршиво.

– Да уж.

Она смотрит мимо меня, кивнув парню с крыльца, который позвал Шона. На сей раз его взгляд устремлен только на нее. Внешне он не сравнится с Шоном, но что-то в нем привлекает внимание – особенно внимание Лайлы. Она со

знанием дела улыбается ему и поворачивается ко мне.

– Нельзя оставлять своего мужчину одного, даже с друзьями. Такого мужчину, который без тебя никак не может обойтись. А мой мужчина как раз не любит делить мое внимание с другими. – Она закатывает глаза, когда он с раздражением дергает подбородком. – А у тебя был в Атланте парень?

– Нет.

Лайла продолжает смотреть на него, и они обмениваются демонстративными взглядами, словно оба ревностно относятся к общению с другими. Потом обращается ко мне:

– Что ж, надеюсь, ты найдешь себе развлечение в Трипл-Фоллс.

– Возможно. – Я поднимаю бутылку к губам и понимаю, что сидр кончился. Лайла достает нам новые бутылки и передает одну мне.

– Я лучше пойду к нему. Подваливай, если хочешь.

– Спасибо, я лучше подожду Шона здесь. Рада познакомиться.

– Еще увидимся, Сесилия.

Она уходит ленивой походкой, садится на колени к своему мужчине и льнет к нему, а он дает волю рукам. Он едва заметно, но властно ласкает ее бедро большим пальцем, пока она что-то шепчет ему на ухо. Немного завидуя, я отворачиваюсь. У меня давно не было серьезных отношений, и порой я скучаю по такому ритуалу.

Чем больше я смотрю, тем сильнее понимаю, что эти лю-

ди – семья. Похоже, только я здесь посторонняя, и тогда понятно, почему на меня пялятся со всех сторон. Не привыкшая к тусовкам, я понимаю, что соскучилась по Шону, который ушел вечность назад. Я стою посреди двора, чувствуя себя не в своей тарелке. Из открытого окна на втором этаже доносится музыка, и я подхожу к забору, из-за которого частично видны горы. Может, я и переехала из пригорода Атланты к горам в какую-то глушь, но даже мне по душе эти живописные виды.

Ты веселишься?

Нет. В старших классах я бывала на паре-другой вечеринок, но всегда предпочитала уйти пораньше. Я прекрасно знаю протокол и стиль поведения, необходимый для того, чтобы стать своим на таких сборищах. Однако, мне не было так же комфортно на тусовках, как Кристи, которая знала всех и вся. Кристи всегда была моим буфером, и мне жаль, что сейчас она не со мной. Ни разу я не танцевала на столе после выпитых шотов и не занималась случайным сексом. Мой послужной список в этом отношении чист. Я всегда была скорее интровертом, сторонним наблюдателем и боялась натворить дел или потерять лицо.

По прошествии времени я жалела, что не совершила приемлемых промахов и не была чуточку храбрее. Но месяц назад я прошла эту стадию ради своего непримечательного диплома и образа девушки, прячущейся на последних страницах выпускного альбома – «как там ее звали?». Теперь-то

до меня дошло, что здесь, среди незнакомых людей, я могу стать кем угодно. Я знакома только с Шоном, который с легкостью раскусил меня еще при первой встрече. Кристи во многом права касаясь моей роли в отношениях с мамой. Она несколько лет умоляла меня снизить градус серьезности. Может, еще не слишком поздно перестать быть тихоней, а стать девушкой, которая живет моментом?

Больше походя на мечтателя, чем на палача, я прислоняюсь к забору и допиваю остатки сидра, зачарованно смотря на вечнозеленые залитые дождем горы, как вдруг чувствую, что рядом кто-то стоит.

– Шон уже тебя бросил? – рядом раздается голос. Я поворачиваюсь и вижу Тайлера. Он положил руки на забор, а на лице его и в карих глазах – дружелюбие.

– Да, – машу я бутылкой. – Но я без претензий. Тащусь от вашего диджея, пью и люблюсь видом. Тайлер, если не ошибаюсь?

Он отвечает улыбкой с ямочками.

– Верно.

– Тоже работаешь на заводе?

– Нет. Сейчас работаю в гараже. Только вернулся из Гринборо, где служил в резервных войсках последние четыре года.

– Правда?

Он проводит руками по своим волосам, отросшим на сантиметр.

– Правда.

– В каком подразделении?

– Морская пехота.

– Понравилось?

Он усмехается.

– Не настолько, чтобы делать на этом карьеру. Четыре года в пехоте, четыре в резерве, но, считаю, время прошло с пользой.

– Добро пожаловать домой, моряк. Спасибо тебе за службу.

– Всегда пожалуйста.

Мы чокаемся бутылками.

– Среди машин возле дома есть твоя?

– Да, моя «С20» шестьдесят шестого года.

Я хмурюсь, он смеется.

– Ярко-зеленый пикап с черной крышей. – Он сияет от гордости, а я исподтишка его разглядываю. Ростом чуть ниже Шона, но тоже мускулистый. У него хорошие глаза, темно-карие в обрамлении черных, загнутых от природы ресниц. Видимо, в этих горах нет недостатка в сексуальных мужчинах. Кристи была бы в восторге. Они забавные и привлекательные, хотя вряд ли кто-то из них в моем вкусе. Но с каждым глотком сидра чувствую, что в голове складывается определенное мнение. И пока я не встретила бицепс, который мне бы не приглянулся. От этой мысли в сочетании с сидром я хихикаю.

– И о чем ты сейчас подумала? – приподнимаются уголки губ Тайлера, вознося его улыбку на новый уровень.

– Просто... вчера я жила в одном месте, а теперь стою во дворе незнакомого человека.

– Безумие, куда тебя может завести день, да?

– В точку.

– Поверь мне, здесь это дело житейское, – говорит Тайлер и придвигается ближе. От его хищного взгляда шея покрывается мурашками.

– О чем ты?

– Поторчишь с нами подольше, сама увидишь.

– Ну, пока мне тут нравится, – протяжным тоном произношу я, зная, что за меня начинает говорить сидр.

– Рад слышать. – Он немного теснит меня к забору. Не для того, чтобы напугать, но так я чувствую тепло летнего солнца, исходящее от его тела.

– Не лезь, тупица, она только что пришла, – говорит Шон, влезая между нами. Приподняв бровь, он смотрит на меня. – А где твоя злобная мина?

Я показываю на бутылку сидра, намекая, что все пошло наперекосяк, и чувствую тепло во всем теле, когда Шон у меня ее забирает.

– Пойдем, накормлю тебя.

Тайлер улыбается мне поверх загораживающего плеча Шона.

– Еще увидимся, Сесилия.

– Очень надеюсь. – Я наклоняю голову, чтобы он увидел мою улыбку.

– Как знал, что ты устроишь проблему, – медленно произносит Шон и качает головой. Затем он ведет меня за руку к накрытому столу для пикника, где есть мясо разных видов и куча гарнира. Мы с Шоном едим, и трудно не обращать внимания на взгляды, которые на нас бросают в нашем крохотном мирке, изолированном от толкотни вечеринки.

– Забей на них, – с набитым ртом говорит он и в шутку приказывает, наставив на меня палец: – И не забывай про злую физиономию.

– А почему мы не едим вместе с остальными?

Меня окутывает мягкий лесной аромат.

– Не против, если я пока приберегу тебя для себя?

– Вот как? – Я откусываю, стараясь спрятать улыбку, потому что пока не уверена, хочу ли посылать ему какие-нибудь сигналы. Когда мы только сели за стол, нас разделяло всего несколько сантиметров, а теперь наши колени соприкасаются, стоит наклониться друг к другу. За трапезой у нас завязывается непринужденная беседа. Шон рассказывает, что переехал в Трипл-Фоллс, когда ему было пять лет, и нашел друзей, с которыми теперь живет вместе. Шон, Тайлер и еще один их сосед переехали в дом неделю назад. Это была одна из причин, по которой они устроили такое сборище, вторая – чтобы отпраздновать возвращение Тайлера. После окончания школы Шон работал и на заводе, и в гараже, а его

семье принадлежит ресторан на Мэйн-стрит, который является неотъемлемой частью сообщества Трипл-Фоллс. Шон рассказывает о себе так, словно он открытая книга, но в его глазах столько тайн. Кажется, будто его слова расходятся с мыслями.

Слопав целую тарелку, я чувствую, как наливаются тяжестью ноги от взглядов, которыми мы обмениваемся. Я не в состоянии изображать равнодушие и потому украдкой поглядываю на Шона, когда он отвлекается на опоздавших гостей. Вечеринка разгорается не на шутку. Начинает садиться солнце, а разговоры становятся громче. Я стою посреди двора рядом с Шоном, держа наполовину выпитую бутылку сидра. Он болтает с Тайлером и Джереми, соприкасаясь со мной руками.

Дрожа от предвкушения, я вполуха слушаю их разговор, слишком увлеченная мыслями, «а что, если» эти тайные прикосновения к чему-то приведут, и распространившимся по венам теплом от алкоголя. Когда Шон намеренно проводит пальцем по моей руке, я снова чувствую уже знакомое покалывание в теле. Это четкое и незыблемое ощущение, что за мной наблюдают.

Только я начала чувствовать себя раскрепощенно, как обрела новую паранойю. Я осматриваюсь, пытаюсь найти причину, ищу в толпе, пока мои голубые глаза не встречаются с режущим взглядом серебристо-серых глаз... но меня приговождают к месту не столько эти глаза, сколько их хищный

взгляд.

Сквозь туман в голове доносятся слова Шона: «Ведь мы не хотим, чтобы волк взял след».

У меня чувство, будто это как раз тот самый волк, который почуял мой запах и наблюдает, стоя на расстоянии нескольких метров.

Вокруг него все веселятся, вечеринка в самом разгаре. Мы пьемся друг на друга, и он полностью оказывается в поле моего зрения. В третий раз за сегодня я испытываю влечение и замираю от того, какой оно силы.

Я не могу разорвать этот зрительный контакт. Он смотрит на меня так, словно обдумывает свой следующий шаг.

А в следующую секунду идет прямо на меня.

Черт!

Я поднимаю подбородок, а он шагает через весь двор, окутанный темной завесой мужской красоты. Сразу за выраженным вдовым мысом лежат пышные, густые ониксовые пряди, такие же темные брови над серебристыми глазами с многообещающими намерениями. Между высокими скулами – изящный нос и... его рот.

Он словно только сошел с подиума. Одет во все черное, от футболки до армейских ботинок без шнуровки, язычок которых свободно свисает, как и мой при его приближении.

Тело покалывает от адреналина, и я стараюсь не отводить глаза, но задираю подбородок повыше назло молчаливой угрозе его взгляда. Но никакая злобная мина не спасла

бы меня от его самодовольной манеры держаться и холода, который исходит от его серых глаз.

– Черт, – слышу бормотание Шона, когда мужчина подходит к нам. – Брат, я же говорил, что она со мной.

Он отводит от меня глаза, проникающие в самую душу, и я слышу его властный низкий голос:

– Она, черт тебя подери, ребенок. Дочь твоего босса. Хватит ей пить. Да и вообще. – Он поворачивается ко мне. – Тебе пора.

Я хмурюсь.

– Не будь жопой.

Мысленно проговариваю свои слова. Ага. Так я и сказала.

Честное слово, на секунду у него подергиваются губы, но он тут же рявкает на Шона:

– Она уходит.

– Остынь, чувак. Сесилия, это Доминик.

– Доминик, – донельзя озадаченная, повторяю я.

Господи, Сесилия, малолетки и те хитрее.

– Мой брат совершил ошибку, решив тебя пригласить. Ты должна уйти.

– Вы братья? – Настолько непохожих внешне людей я еще не видела.

– Не совсем, – поправляет стоящий слева Шон.

– Ты и правда меня выгонишь? – пьяно спрашиваю я у Доминика. Может, сидр крепковат, но ладошки до сих пор покалывает от переглядываний.

– Разве ты не восемнадцатилетняя дочь Романа Хорнера? – Он брезгливо поджимает губы, в каждом его слове слышится легкий акцент. Зрителей прибавляется, и я жадно глотаю воздух, который вдруг становится плотнее от напряжения.

– Уверена, я не первая несовершеннолетняя девушка, которая пьет на твоих вечеринках, – огрызаюсь я, чувствуя, что все на меня смотрят. Доминик мог отвести Шона в сторонку и попросить от меня отделаться, однако решил опозорить у всех на виду. – И через две недели мне исполнится девятнадцать, – добавляю я самый жалкий довод в свою пользу.

На лице Доминика появляется выражение смертельной скуки.

– Я что, тебя чем-то обидела? Да и вообще, тебе самому-то сколько? – спрашиваю я, и он испепеляет Шона взглядом, словно ведя с ним молчаливую беседу.

– А что? – Доминик снова смотрит на меня. – Запишешь в свой дневничок, украшенный бабочками и стразами?

Слышу вокруг смех и чувствую, как горят от смущения щеки.

Господи, Сесилия, умолкни.

– Да пусть останется, Дом, – высказывается с патио Лайла. – Она никому не мешает.

Доминик тщательно обводит меня взглядом, но дергает подбородком в немом приказе.

– Дом, да... – заговаривает Шон, и я поднимаю руку.

– Ну и ладно, я уйду. – Я смотрю на Доминика, униженно переминаясь с ноги на ногу. Это доставляет ему удовольствие, и в его холодных глазах я вижу свое трусливое отражение.

Он поворачивается, собираясь уйти, но я останавливаю его, положив руку ему на предплечье. Допив остатки сидра, бросаю бутылку ему в ноги.

– Упс, – прикидываюсь я пьяной душой.

Скрежеща зубами, словно мое прикосновение обжигает, он медленно переводит на меня взгляд, хмуря темные брови, словно вопрошая «какого хрена?».

– Ты выгоняешь меня со своей вечеринки. Знаешь, мог бы сказать, как приятно было со мной познакомиться. Так делают вежливые люди.

– Меня еще ни разу не обвиняли в вежливости.

– Это не обвинение, – гаркаю я, а Шон чертыхается и начинает меня уводить. – А банальные правила приличия, козел. – Видимо, сидр добавил в мою речь акцент пьяного английского пирата, или я пересмотрела сериалов на «ВВС». Я пьяно хихикаю, и Шон подхватывает меня на руки.

– И такой симпатичный козел, – растягиваю я слова.

Отовсюду доносятся смешки, а полные губы Доминика дергаются в некоем подобии улыбки. Я ерзаю в руках Шона, чтобы он меня опустил.

– Знаешь, я проблема, – умничаю я, и слева раздаются улюлюканья. – Просто спроси своего брата. – Чувствую бед-

ром, как трясется от смеха грудь Шона, пока он несет меня через гостиную на улицу.

Шон относит меня к подъездной дорожке, ставит на землю и оглядывается назад с виноватой улыбкой.

– В чем проблема, черт возьми?

– Я же тебя предупреждал, – улыбаясь, говорит Шон. – Он часто кусается, без предупреждения лает.

– Обязательно было меня позорить?

– Он от такого кайфует. Должен признать, что все оказалось лучше, чем я думал.

– А я думаю, что все прошло довольно хреново, – заплетаящимся языком спорю я и понимаю, как сильно ударил в голову сидр.

Нахмурившись, Шон внимательно на меня смотрит.

– Я отвезу тебя домой, не против? А завтра утром заеду за тобой, чтобы ты забрала свою машину.

– Ладно, – фыркаю я, и он открывает мне дверь. Сев спереди, я от злости скрещиваю на груди руки. – Меня как будто только что поставили в угол. – Я поворачиваюсь к Шону. – Я неконфликтный человек. Извини, не знаю, какой бес в меня вселился.

– Да Доминик и монашку доведет до белого каления.

– Да неужели!

Шон хмыкает и, захлопнув тяжелую дверь, с сочувствием на меня смотрит.

Я сползаю по сиденью.

– Дело в моем папе, да?

Он кивает.

– На него работает половина гостей на этой вечеринке.

– Вряд ли его интересует, что происходит в свободное от работы времени.

– У него длинные руки.

– Ага, ну а я взяла за правило ни черта ему не рассказывать. Ты можешь мне доверять. И я уже взрослая.

Он постукивает по губе, которую я не заметила, как выпятила.

– Ты чертовски милая. И красивая. Но, давай по-честному, слишком юная и хорошая, чтобы тусоваться с такими музилами, как мы.

– Я бывала на многих вечеринках, просто никогда не принимала в них активное участие. И вы, музилы, мне нравятся. Кроме того козла.

– Уверена в этом?

– Он меня не впечатлил. – Не совсем правда, ведь, пока он не открыл свой рот, я вволю им налюбовалась.

– Нет?

Я медленно качаю головой, и Шон убирает с моего плеча прядь волос. Парень так сильно на меня действует, что я начинаю лнуть к нему, когда он так на меня смотрит. Знаю, что из-за опьянения утратила бдительность, но не могу списывать все на алкоголь. Шон обезоруживает, и влечение между нами действительно есть.

– Тогда ты со мной, – произносит он низким голосом, обхватывает мой подбородок и проводит большим пальцем по ямочке на нем.

– Меня устраивает. – Когда Шон медленно убирает руку, я чувствую нехватку его тепла и пристегиваюсь. От такого развития событий голова идет кругом. – Спасибо за сегодняшний день. Было весело.

Он заводит машину, и я чувствую, как от вибрации под голыми ногами по венам бежит огонь. Шон замечает мое волнение.

– Нравится?

– Да. – Я качаю головой. – Никогда не ездила на такой машине.

Он внимательно меня разглядывает, атмосфера в салоне накаляется.

– Скажи, о чем ты сейчас подумал? – спрашиваю я, повторив ранее сказанный Тайлером вопрос. Голос у меня немного охрип от дыма и пристального внимания этого бога Солнца.

– В другой раз.

Он срывается с места, и я хихикаю – поездка домой так же кружит голову, как и события последних часов. Окна опущены, ветер развеивает мои волосы. Шон мчится по пустынным дорогам, ведущим ко дворцу моего отца. По салону разносятся тяжелые басы, в динамиках поет старый южный рок. Я высовываю руку из окна и дышу, в груди все бурлит от пер-

спектив будущего. Я смотрю на Шона украдкой и вижу многообещающий блеск в его глазах, легкую улыбку на губах.

Это начало отличного лета.

Глава 4

– Доброе утро, Сесилия, – произносит Роман, когда я присоединяюсь к нему в столовой. Он сидит на стуле с высокой спинкой за отполированным до блеска столом. Остальная часть комнаты пустует, кроме висящих на окнах штор кремово-аквамаринового цветов, которые наверняка стоят целое состояние. Отец, одетый в очередной дизайнерский костюм, ловко накальвает на вилку грейпфрут.

– Доброе утро, сэр.

– Слышал, как ты приехала поздно ночью. С машиной что-то случилось? – Он недоволен.

Пошел ты.

– Отдала ее на техосмотр, заберу сегодня днем, – вру я, выдав первое, что пришло в голову, а сама борюсь с желанием прижать руки к вискам.

Даже не догадывалась, что сидр может оказаться таким крепким. Протыкнув мимо этого демонстративного семейного завтрака, я исчезаю на кухне, о которой мечтал бы даже шеф-повар из ресторана со звездой «Мишлен», достаю из холодильника бутылку воды, наливаю немного йогурта, который по моей просьбе купила экономка, и срываю несколько виноградинок. Вернувшись в столовую, я выглядываю в окно и вижу, как землю перед домом освещает солнце нового дня. Дом идеально бы подошел семье, которой

приятно общество друг друга. Меня печалит, что он принадлежит человеку, который его не ценит.

– У тебя сегодня первый рабочий день.

– Угу. – Я сажусь напротив него.

– Мне не по душе твоя манера выражаться, как и отсутствие энтузиазма, – сухим тоном замечает Роман, не отрывая взгляда от телефона.

– Прошу прощения, сэр, я еще не совсем отошла от переезда. Уверена, когда полностью проснусь, энтузиазма прибавится.

Он смеряет меня взглядом, и я вижу себя в отражении его голубых глаз, так похожих на мои. Каштановыми волосами я тоже обязана ему.

– Тебе всего хватает?

Я киваю.

– Чего не хватает, могу взять сама.

Роман откладывает телефон и смотрит на меня с авторитарностью родителя; это смешно и злит.

– Я хочу, чтобы ты воспользовалась возможностями этого года. Взвесь все варианты. Ты уже выбрала специализацию?

– Еще нет.

– Уже поздно.

Поглядываю на свои новехонькие «Apple Watch», подарок в честь приезда, который прошлой ночью дожидался меня на пороге моей комнаты, когда я вернулась домой. Я до сих пор гадаю, то ли это намек на мое обещание придерживаться

расписания, то ли широкий жест.

– Еще только восемь.

– Не строй из себя дурочку.

Я подмигиваю ему.

– Училась у лучших. – Вранье. Я ничему не научилась у этого человека. Узнала только, что для него время – деньги, но и то, и другое лучше растрачивать в другом месте. Я закидываю в рот виноград. – Спасибо за часы.

Играя желваками, он пропускает мимо ушей благодарность.

– Мне позвонили из отдела кадров.

Я сползаю на стуле и глотаю подступивший к горлу ком.

– О, да?

– Чем ты думала, когда бросила тот комментарий?

– Я не подумала, сэр. И, уверяю вас, этого больше не повторится.

Так и будет. Большую часть своей жизни я провела на правильной стороне и всегда это было по моему собственному желанию. Шон прав. Я по натуре скорее хорошая девочка, чем бунтарка. Слишком уж много моих сверстников выбрали не ту дорожку, и она не привела их к успеху. Отнюдь. Однако эта беседа меня не устраивает. Сейчас отец обладает полной властью над моей жизнью, право на которую я сама ему предоставляю, и меня это возмущает. Было бы проще встать из-за стола и потребовать свою жизнь назад, как и год, который он у меня украл. Но дело не только в деньгах, под

угрозой благополучие моей матери, поэтому я выпрямляю спину и заявляю:

– Честно говоря, жду с нетерпением начала работы. Вчера вечером я просто немного перегнула палку.

– Не совсем то, что хочет услышать отец.

Меня так и тянет ляпнуть «о каком отце ты толкуешь?», но вместо этого решаю подыграть.

– Всего лишь немного отпраздновала окончание школы. Если тебе станет легче, я выпила лишь три девчачьих пива, но в принципе пью редко, раз уж об этом зашла речь.

– Приятно знать.

Да ничего ты не знаешь.

– Кто привез тебя домой?

– Местный.

– У него есть имя?

– Да. Друг.

На этом разговор окончен. Я ручаюсь.

«Опасность миновала».

Шон: «Приеду через полчаса».

«Я буду в бассейне. Подваливай, если хочешь.
Код от ворот 4611».

Какое это славное ощущение – прыгать в бассейн. Я уж постаралась, бросившись «бомбочкой» и проорав ругательства во все горло. Просто вдруг захотелось. Я довольно плохо знаю своего папу, чтобы понимать, доволен ли он своей жизнью, но он однозначно несчастен.

Счастливые люди не напихивают себе между булок монеты. Отец – человек легко возбудимый, и я унаследовала от него эту черту и полна решимости от нее избавиться. Но если этот год сводится к тому, что я должна заслужить его милость и вести себя лучшим образом, то подожду, пока останусь одна, и уж тогда учиню тихий мятеж. Мое пребывание здесь словно просчитано до минуты, все такое прилизанное – как гладко причесанные волосы, которые страсть как хочется привести в беспорядок. Если во мне есть хоть капля бунтарства, то нужно побороть эту пресность. Может, поэтому я чувствовала себя на вечеринке как в своей тарелке. От той компашки разило анархией – во всяком случае, с отцовской точки зрения. И этот перерыв, между школой и колледжем, – мое время, когда я обрету такую же свободу. Так что утро я занимаю размышлениями, как украсть то, что у меня же и своровали.

У моей дилеммы простое решение. Начиная с сегодняшнего дня, я буду чаще произносить «да». Всему, что я бы

ни выбрала. Ведя себя благоразумно первые восемнадцать лет, я убедилась, что они прошли безвкусно, если не сказать бесплодно. Я не хочу переходить к следующему этапу своей жизни или последующему, жалея об упущенных возможностях. Поэтому этим летом я заменю «нет» на «да». Перестану осторожничать и начну дурачиться. Буду придерживаться неопределенности, которая включает в себя обязательства перед родителями, и найду способ раскрасить свою жизнь.

Я приму этот год заточения и смешаю его со столь необходимой свободой. Не только от своих обязательств, но и от наложенного мной же морального кодекса.

Свободное время приобретет поистине новое значение для тихони.

Я скрепляю сделку с собой, прыгнув в бассейн.

Сделав несколько кругов, вижу расплывчатое отражение своего только подошедшего гостя. Вынырнув, я чуть не захлебываюсь водой, заметив стоящего у края бассейна Шона в плавках и с зажженной сигаретой в руке.

От одного его вида мне хочется перекреститься и воззвать к Всевышнему в благодарственной молитве. Шон, от макушки до самых пят, фактурный во всех смыслах. Начиная с четкого отреза непослушных волос и заканчивая возмутительными мышцами груди и бугристыми мускулами рядом с ребрами. Дивная дорожка золотистых волос ведет за пояс плавков, подчеркнутая дугой косых мышц живота. Будто сам дьявол и тело Шона заключили сделку, оставив ему сплошь

загорелую плоть и мышцы. Нависая надо мной, он источает сексуальную привлекательность, когда я тону от одного взгляда на него. Его глаза спрятаны за толстыми золотыми линзами, но я чувствую на себе его взгляд, и в груди что-то екает.

– Соскучилась, Щеночек?

– Возможно.

Шон наклоняется и зачерпывает воду, чтобы потушить сигарету, и мне впервые удастся разглядеть татуировку на его руке. Покрытые перьями кончики принадлежат расправившему крылья ворону, который занимает его плечо целиком. Голова и клюв упираются в бицепс, словно отвернувшись от Шона и наблюдая. Грозные, смертоносные когти врезаются в тело так, словно до боли цепляются за его кожу. Татуировка очень яркая и выразительная. Словно самостоятельная единица. Как будто, стоит протянуть руку и коснуться затейливо нарисованных крыльев, птица оживет.

– Симпатичное местечко.

– Спасибо, я передам владельцу.

Шон оглядывается.

– Ты действительно не хочешь на все это претендовать?

Я пожимаю плечами.

– Не я же заработала.

Он качает головой и тихонько присвистывает, осматривая окрестности.

– Так вот как живет один процент населения.

– Ага, и поверь, мне это так же чуждо, как и тебе.

– С чего вдруг?

– Мы много лет жили отдельно. Мне пришлось вырасти из подросткового возраста еще до того, как он решил, что нам пора возобновить отношения.

– Хреново.

– Хватит о Романе. Ты будешь плавать или нет?

Отбросив в сторону футболку и сигареты, он ныряет в воду. Я успеваю повернуться, когда Шон выныривает, и с его густых светлых волос льется вода, стекая по внушительной груди.

Он выпрямляется, возвышаясь над кромкой воды своим ростом в метр девяносто.

– Как себя чувствуешь после вчерашнего, слабачка? – спрашивает он, его легкая протяжность речи резко выражена, как идеально отредактированная пунктуация.

– Чувствую... словно перепила. И наверное, немного стыдно.

– Не стоит. Ты произвела впечатление.

– Не такое уж сильное, если меня выгнали. – Я держусь на плаву, чувствуя, как обжигает солнце спину.

– Дело не в тебе, а в Доме, уж поверь.

– Расскажи, почему уволился с завода в первый раз.

– Я работал в гараже, но Дом окончил колледж и вернулся на мое место.

– Дом только что выпустился?

Шон поднимает бровь.

– Ты его осуждаешь, Щеночек?

– Возможно, но он козел. Где он учился?

– Только что получил степень магистра Массачусетского технологического института. Компьютерный фанатик. Он злой гений с клавиатурой.

Мой интерес только увеличивается.

– Серьезно?

Шон ухмыляется.

– Ты впечатлена?

Оцепенев, я встаю, не в силах представить Доминика в кампусе, а Шон в это время делает резкий удар по воде и окатывает меня огромной волной.

Я с удивлением сплевываю воду.

– Придурок!

– Ты в бассейне. – Он приподнимает густую бровь. – При любом раскладе намокнешь.

Его высказывание полнится намеками, и я знаю, что Кристи, встретив такого парня, не упустила бы возможность повеселиться. Мне с трудом верится, что он стоит в бассейне Романа.

Я придвигаюсь, чтобы поучаствовать в его игре, но вместо этого резво уклоняюсь. Предварительно поправив купальник и убедившись, что у меня ничего не торчит, вылезая из воды. Из двух купальников я выбрала менее откровенный, но, чувствуя на себе его взгляд, с тем же успехом чувствую

себя обнаженной.

– Ты куда?

– Пить хочу. А ты?

Шон опускает взгляд на стекающую с моей шеи воду.

– Конечно.

– Вода? Чай? Грейпфрутовый сок?

– Пусть это будет сюрпризом.

– Сюрпризом, – повторяю я, выжимая волосы полотенцем, а потом заворачиваюсь в него и округляю глаза. – Пусть будет сок.

– Пустилась сегодня во все тяжкие, да?

Его улыбка ослепляет. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не попросить его снять очки. Заходя в дом, я чувствую, как внутри все скручивает от перенапряжения, и понимаю, что мурашки на коже никак не связаны с ветерком, обдувающим мое мокрое тело. В доме я осторожно ступаю по отполированному мрамору и выглядываю в окно, увидев, что Шон взгромоздился на край бассейна, зажег сигарету и ждет меня. Чуть не написав Кристи, я закрываю лицо ладонками и чувствую, как расплываюсь в улыбке. Хотя у меня было всего два партнера, я не наивная девчонка. На самом деле, когда я стала жить половой жизнью, то удивилась своей сексуальности, своему голоду, увлечением самим актом и внезапным аппетитом после него, но это влечение совсем иного рода.

Открыв холодильник, я беру две бутылки с соком и снова выглядываю. В семнадцать у меня была дикая симпатия

к Брэду Портману. Я знала, что чувства, которые пробудились во мне, когда влечение оказалось обоюдным, ничто не превзойдет. Позже, когда он впервые меня поцеловал, и в груди и животе распалился огонь, я была уверена, что ничто не сравнится с чувством, что я испытала, когда он крепко зажмурился от удовольствия, заявляя права на мою девственность.

Эти чувства и воспоминания могли бы остаться самыми жаркими мгновениями моей жизни, пока я не вернулась с соком к бассейну и не увидела, что Шон снял очки.

Глава 5

Из моего лежащего на шезлонге телефона тихо играет песня Vørns «Blue Madonna», а я пробираюсь в воде к самой глубокой части бассейна. Шон стоит напротив, прислонившись к стене. Он положил свои сильные руки на бетонное основание, изучая меня взглядом, в то время как я смотрю на его темную татуировку.

– Так в чем прикол татуировки?

– Прикол?

Я закатываю глаза.

– У твоих друзей тоже такие, у многих. Какое у нее значение?

– Это ворон.

– Я в курсе, – отвечаю я, бедра и икры начинают ныть из-за нехватки физической подготовки. – Но что она символизирует? Это как... клеймо лучших друзей? – У меня вырывается смешок.

– Ты надо мной прикалываешься, Щеночек?

– Нет, но не кажется ли тебе немного странным, что несколько взрослых мужчин сделали одну и ту же тату?

– Нет, – отчетливо произносит он. – Я расцениваю это как клятву.

– Клятву в чем?

Шон пожимает плечами.

– В чем бы то ни было.

– Ты всегда отвечаешь на вопросы загадками?

– Это правда.

Он опускает глаза, а я плыву на середину бассейна. Моя грудь на пару сантиметров выглядывает из воды. Потом Шон снова смотрит мне в глаза, и у него такой взгляд, что хочется запечатлеть его образ в памяти.

– Не хочешь рассказать, о чем думала все это время? – От его вопроса пересыхает во рту.

– Думала, как мало я про тебя знаю.

– Рассказывать нечего. Я тебе уже говорил, что переехал сюда в детстве. Город у нас маленький. Как уже можно понять, мы придумали креативный способ разнообразить наш досуг.

– Тогда ты и познакомился с Домиником? В детстве?

Шон улыбается.

– А я все гадал, когда ты снова о нем заговоришь.

– Он всегда такой?

– Какой?

Я морщу нос.

– Грубый?

В ответ раздается смешок.

– Думаю, ты знаешь ответ.

– Так и в чем его проблема? Мама редко обнимала?

– Нет, наверное. Она умерла, когда он был еще мальчишкой.

Меня передергивает.

– Черт, вот я сволочь.

– Как и он. И он не извиняется за это, да и тебе не стоит.

– Значит, вы все друзья, связанные клятвой? Почему ворон?

– А почему нет?

Я закатываю глаза.

– От тебя ничего не добиться.

От его вкрадчивого голоса перед глазами все расплывается.

– Почему бы тебе не перестать прятаться под водой и не подойти ко мне, чтобы я мог взглянуть на тебя поближе.

– Я не прячусь, – слышу я свой писк и хочу утопиться.

Шон приподнимает подбородок в тихом приказе, и я медленно подплываю к нему. В расслабленной позе он погружается в воду так, что над гладкой поверхностью торчат только его губы.

Он в паре метров от меня, но его влияние смертоносно. Мои руки наливаются свинцом, когда я плыву к нему. Хищный взгляд карих глаз блуждает по мне, словно Шон решает, куда вонзить свои зубы в первую очередь. Мне нравится это притяжение, это пекло в пахнущем хлоркой воздухе. Я по уши увязла, и мы оба это знаем.

– Поделишься мыслями? – У меня дрожит голос. Слишком сильное напряжение. Когда я подплываю к Шону, он резко подается навстречу, хватает меня за запястье и застав-

ляет встать перед ним. Я ойкаю, а потом хихикаю. Его взгляд скользит по моей груди, жарким дыханием Шон обжигает треугольник между бедер. Соски твердеют, когда он легонько задевает пальцами мое бедро. Шон все еще полусидит на мелководье, а я возвышаюсь над ним, и каждый его выдох задевает тонкий материал на вершине между моими ногами, проходится по клитору. Я заглушаю стон.

– Хочешь узнать мои мысли? – хрипло шепчет он. – Этого ты хочешь?

Я медленно киваю.

Рев подъезжающей машины выводит меня из ступора, но Шон утаскивает меня обратно, скользнув пальцами по моему животу в легком танце.

– Думаю, нам не хватит времени на этот разговор. – Его голос срывается, когда он наклоняет голову и, убрав с моей груди мокрые волосы, медленно встает. Шон так близко, капли воды сияют на его коже как алмазы. Я провожу взглядом по нескольким шрамам на его груди и бицепсах, а сама облизываю нижнюю губу, чувствуя, как внизу живота появляется жар.

Шон наклоняется и целует меня в висок, еле ощутимо скользнув пальцами по плечу.

– Спасибо, что пригласила поплавать.

Изогнув бровь дугой, я слышу, как перед домом монотонно рычит мотор.

– Погоди... а как же моя машина?

– Стоит перед домом.

– Ты приехал сюда на моей машине? Но у тебя нет ключа.

– Помнишь, что я работал в гараже?

– Так ты еще и мастер по замкам?

Шон кривит рот в ухмылке.

– Разумеется.

– Тогда, выходит, спасибо.

– Выходит, пожалуйста, – ловко передразнивает он, не забывая изобразить эту досаду в моем тоне. Я хотела, чтобы он меня поцеловал, и наглый ублюдок это знал. Я чувствую, как Шон кайфует от моего расстройствa. Он играет со мной. Меня должно это злить, но уж слишком нравится эта игра. Шон вылезает из бассейна, берет футболку и натягивает ее. Меня охватывает разочарование, когда он надевает очки, вытаскивает из пачки сигарету и щелкает зажигалкой, наклонив голову. Смотря на меня сверху вниз, Шон выпускает облако дыма.

– До встречи на работе.

Глава 6

– Да какого черта? – бурчу я себе под нос, схватив очередной контейнер. Я делаю калькуляторы. Поправочка: я занимаюсь контролем качества новеньких калькуляторов «Хорнер Тех». Спустя всего час работы прихожу к выводу, что ни при каких условиях не профукаю колледж и теперь начну всерьез обдумывать свое будущее. Такой труд даже с натяжкой нельзя назвать работой моей мечты. Вскоре после начала смены я прониклась уважением к своим коллегам. Уверена, это тоже не работа их мечты, но они добросовестно приходят сюда каждый день, чтобы прокормить свои семьи. Ни в коем случае не могу их винить или осуждать, хотя лично мне такая работа не приносит никакого удовольствия.

Нельзя допустить, чтобы таким стало мое будущее.

Я скоро свихнусь. Спустя три часа смотрю на время и вновь проклиная положение, в котором оказалась. Как выдержать целый год?

Но этого как будто мало. Меня подрядили работать с любительницей поболтать, которая оказывается главной сплетницей на заводе и работает со скоростью света, отчего я становлюсь похожей на неуклюжего карапуза. Мне всего-то и нужно просто кивать, и, похоже, мою напарницу вполне устраивает то, как я поддерживаю разговор.

Когда идет четвертый час, я чувствую знакомый запах

кедра и табака. Его дыхание щекочет мне ухо.

– Как дела, Щеночек?

Я поворачиваюсь и вижу Шона в точно такой же, как у меня, униформе – в штанах и рубашке на пуговицах с короткими рукавами. Одежда не умаляет его привлекательность. Шон держит папку-планшет и с улыбкой смотрит на меня. Мисс Тарахтелка стреляет глазами, смотря то на него, то на меня – наш диалог ее заинтриговал.

– Чистый адреналин, – невозмутимо отвечаю я и чешу ухо под сеточкой для волос. Шон хохочет.

– Тебе нужны наушники, – говорит он и, вытаращив глаза, показывает на сидящую со мной женщину. Он, должно быть, в курсе, что у нее рот не закрывается.

– Я думала, их не разрешают?

– Может, удастся обойти запрет.

Формально Шон – мой супервайзер, что делает эту работу более сносной. Он рассказывал, что проработал на заводе несколько лет подряд и после увольнения не потерял трудовой стаж. Тогда, на инструктаже, он присутствовал чисто для проформы и для того, чтобы освежить знания о принципах и правилах завода. И в эту секунду я думаю лишь о том, что нет лучше должности, чем под его началом.

Мы молча смотрим друг на друга, и он кивает за мое плечо.

– Пропустила.

– Ты меня отвлекаешь, – дерзко заявляю я.

– Рад слышать. – Он подмигивает мне. – Скоро увидимся.

Когда Шон отходит на безопасное расстояние, болтуха, которую на самом деле зовут Мелинда, косится на меня и хватает очередной контейнер из стопки, которая только что поступила в наш цех.

– Откуда знаешь Шона?

Я пожимаю плечами, складывая в стопку пустые контейнеры.

– Познакомились вчера на инструктаже.

– Будь с ним осторожна. И держись подальше от его друзей. Особенно от того, которого они зовут Французом. – Она наклоняется ко мне. – Я... такое о нем слышала.

– Правда?

Француз.

Думаю, она говорит про Доминика. Я уловила небольшой акцент в его речи и почти не сомневаюсь, что в ее предостережении есть доля правды. Прошлым вечером меня представили этому до ужаса великолепному темному облаку. Он – полная противоположность острому солнечному лучику, который сегодня полностью оккупировал мои мысли.

На вид Мелинде чуть за сорок. Всем своим видом она напоминает об истинных ценностях юга: от старомодной химической завивки до свободных джинсов на высокой талии и креста на шее. Послушав ее всего несколько часов, я прихожу к выводу, что Мелинда судачит не только про завод, но и про весь город. Мои секреты она тоже не уберезет. Не со-

мневаюсь, что стану предметом ее болтовни за предстоящим семейным ужином.

– Да. Они не болтаются без дела. Гонки, вечеринки, наркотики и девушки. – Она наклоняется ближе. – Я слышала, что они делят женщин.

Эта новость намного интереснее несчастного случая на лодке с ее дражайшей подругой Патрицией или судьбы ее одиннадцатилетнего кокер-спаниеля.

– Правда?

Она придвигается еще ближе.

– Слышала, они курят травку.

Мне не удастся сдержать смехок.

– Марихуану, да?

Услышав мой снисходительный тон, она прищуривается.

– Просто предупреждаю, будь осторожнее. Один из них вцепился в крестную дочь моей кузины, и, скажу я тебе, история вышла прескверной.

Я не могу сдержать любопытство.

– Что с ней произошло?

– Никто ничего не знает и от нее нет новостей несколько месяцев. Этот парень так сильно разбил ей сердце, что она теперь редко приезжает домой.

Оглядевшись по сторонам, Мелинда вытаскивает из кармана телефон, потому что в производственном цеху запрещено пользоваться мобильниками. Что-то ищет в нем, а потом показывает мне экран. Это аккаунт в социальной сети,

и девушка на фотографии великолепна. Я тут же говорю ей об этом.

– Моя кузина так ею гордилась, но как только тот парень вцепился в нее, она изменилась. Не знаю. – Она смотрит за плечо. – Эти парни, конечно, красавчики, но, думаю, они одержимы демоном.

Мне сложно сопоставить ее описания с Шоном и по первому, и по второму впечатлению, но с Домиником совсем другая история.

Да, это, возможно, неэтично, но оставшуюся часть смены я подсаживаюсь к Мелинде поближе, поскольку внезапно у меня появляется настроение поболтать.

Глава 7

С ноющей спиной после целого дня на ногах я открываю машину и, практически упав на сиденье, включаю кондиционер, чтобы немного разогнать влажность в салоне. Повернув вентиляторы на себя, чувствую, как высыхает на лице влажный теплый воздух. Потом вытаскиваю из сумочки телефон и вижу пропущенное сообщение от Кристи. На губах непроизвольно появляется улыбка, как только я замечаю, что пропустила сообщение и от Шона.

Шон: «Приезжай в гараж. Скину тебе геолокацию».

«Сложный день. Думаю, лучше поеду домой».

Шон: «Фигня. Поспишь завтра. За мной пицца».

Шон скидывает мне геолокацию, и я раздумываю, победит ли моя усталость желание снова с ним увидеться. Решение принято, и спустя десять минут я на месте. Подъехав, прихожу в шок от размера гаража. Рядом с застекленным тамбуром шесть отсеков. Самый большой в конце – наверное, для ремонта машин серийного производства. Я представляла себе все совсем иначе. На широкой стоянке стоит несколько знакомых по вечеринке машин. Выйдя из своей тачки, слышу грохот музыки по ту сторону погнутых гаражных дверей.

Все понятно – рабочий день окончен, и внутри мало признаков жизни кроме тусклого света в тамбуре. Когда я подхожу к нему, в нос ударяет запах, который ни с чем не спутаешь.

Эти одержимые демоном парни курят «травку».

Я издаю смешок, распускаю волосы и провожу по ним пальцами. А вот форму никуда не денешь. Я подхожу к двери, поднимаю руку, чтобы постучать, и вижу Доминика по ту сторону окна с двойным остеклением. На стекле жирным шрифтом выведен большущий логотип «Автомастерская Кинга». При виде Доминика я, с интересом его разглядывая, теряю опору под ногами. Ему на лоб падает прядь темных волос, когда он яростно кликает компьютерной мышкой под моргающим золотым светом. Идеальными губами он сжимает горящий косячок, а рядом с монитором стоит открытая банка пива.

У него такие густые ресницы. Даже стоя в полуметре, я вижу, как они порхают над его высокими скулами. На него изумительно приятно смотреть. Широкую грудь обтягивает испачканная маслом серая футболка с логотипом, а на бедрах темные джинсы. Да этот мужчина будет и в обносках хорошо выглядеть. Внимательно рассматривая его руки, я воображаю, сколько урона они могут нанести и сколько удовольствия доставить. Словно почувствовав на себе мой взгляд, Доминик отрывает глаза от экрана и переводит их на меня.

Паф!

Это выстрел, попавший прямо в грудь, и кровь в венах на-

чинает качаться быстрее, пытаясь удержать кислород, которого я тотчас лишилась.

Пару секунд Доминик так же внимательно изучает меня, а потом подходит к двери. Резко ее распахнув, смотрит на меня. На лице у него бесстрастное выражение, а с губ свисает косяк.

– Что ты тут забыла? – Голос у него немного хриплый, словно он весь день орал, а потом выпил стакан виски.

– Меня пригласили.

– Позволь отменить твое приглашение.

– Почему?

Доминик выдыхает облако дыма, и я уворачиваюсь, повернув голову.

– Тебе здесь не место.

Я точно знаю, что не уйду. Соображая по ходу дела, выдергиваю из его губ косяк и зажимаю пальцами. Доминик буквально убивает меня взглядом, когда я боязливо затягиваюсь и часто-часто обмахиваюсь рукой, чтобы как можно быстрее развеять окруживший меня дым.

– На вкус... – делаю я вдох, – жуткая гадость. – Я задыхаюсь и начинаю откашливаться.

Уголки его губ еле заметно приподнимаются в улыбке, но она быстро исчезает.

– Потому что ты пытаешься строить из себя ту, кем не являешься. Тебе сюда нельзя, Сесилия.

– Я не стану пить.

Доминик забирает косяк.

– Делай, что хочешь, милая, только не здесь.

Он собирается закрыть дверь, но я успеваю просунуть в щель ногу.

– Если дело в моем отце, то тебе стоит знать, что между нами нет любви. Я всего лишь плод его преступного прелюбодейания, – ерничая я, умело изображая тон проповедника. – Так что деваться некуда, – я оглядываю тамбур, – образно говоря. Этот город не его собственность. Как и я.

Доминик скрещивает на груди руки, мои слова несколько его не убедили.

– Он не шериф, ясно? Я только что переехала, схожу с ума от скуки и застряла тут на год, так что мне не помешало бы завести пару друзей. Теперьпусти меня, иначе я начну играть в девчонку и нажалуюсь твоему брату.

– Видишь то окно? – Он кивает на большое окно за своей спиной.

– Да.

– Что там написано?

– «Автомастерская Кинга». – Я закатываю глаза, понимая, куда он клонит. – Ладно, ты тут главный, да? Тогда давайте поторгуйемся, мистер Кинг. – Я делаю шаг вперед, чтобы встать к нему ближе. Не нос к носу – он слишком высокий, – а чтобы вторгнуться в его личное пространство. Это смелый поступок, и я изо всех сил пытаюсь скрыть дрожь в голосе. Вытаскиваю из кармана двадцатку. – Сегодня пиво за мой

счет.

Снова у него дергается подбородок. Он даже не отводит свои глаза цвета металла.

Я засовываю деньги обратно в карман.

– Ну же, Доминик, будем друзьями. – Для пущей убедительности я хлопаю ресницами, а сама заглядываю ему за плечо в надежде, что Шон заметит меня и вмешается, но напрасно. – Что нужно сделать, чтобы сюда попасть?

Доминик не двигается с места и молчит, но крупница по крупнице отбирает у меня уверенность в себе. Он просто стоит напротив, а я всячески пытаюсь пробудить скрытую сторону своего характера, которая была бы достойна такого оппонента. По глазам Доминика вижу, что он не впечатлен, и я терплю фиаско.

Но Доминик прав. Я тихая желтофиоль, пытающаяся выдать себя за могучий дуб. Однако я дала себе обещания и намереваюсь их сдержать. Поэтому поступаю единственно возможным способом: выдергиваю из его пальцев косяк и делаю большую затяжку, после чего выдуваю дым прямо ему в лицо.

Всего от двух затяжек меня так штырит, что клянусь, я вижу космос. Доминик раздраженно вздыхает, и у него вырывается громкий рык.

К моему удивлению, дверь открывается, и на ватных ногах я шагаю в гараж в своем скафандре. Когда прохожу мимо Доминика, от звука его голоса кожа покрывается мураш-

ками.

– Не вынуждай меня пожалеть о своем решении.

Сжав косяк пальцами, я протягиваю обратно, и Доминик его забирает.

– Ты не пожалеешь, но больше не разрешай мне это курить. – Я уже на полпути к двери, ведущей в отсек, когда он вдруг меня останавливает.

– Сесилия. – Я бы каждый день своей жизни слушала, как он произносит мое имя своим еле уловимым акцентом. Я оглядываюсь и вижу в его глазах предупреждение. Мне полсмены читали нотации, предостерегали связываться с этими мужчинами, но это лишь подстегнуло мое любопытство. – Скажу всего раз. Находиться здесь не самое умное решение.

– Знаю.

– Все знать невозможно.

– О, mais j'en sais déjà beaucoup, Français. – О, но я много чего знаю, Француз.

В старших классах я учила французский, но свободно изъясняться на нем не умею. И все же те уроки себя окупили, судя по тому, как дергаются в улыбке у него губы, а в глазах появляется сдержанное удивление.

– Je ne parle pas français. – Я не говорю по-французски.

Доминик ухмыляется, и я чуть не падаю замертво. Эта ухмылка идеально смотрится на его пухлых губах. В его глазах читается равнодушное раздражение, и ярываю зрительный контакт только из-за одной глубины взгляда. Повер-

нувшись к гаражу, я, спотыкаясь, иду к двери и вижу, что в самом последнем отсеке вокруг старого бильярдного стола сгрудились парни. Шон наконец-то меня замечает и согревает своей теплой улыбкой.

– Еще увидимся? – Я оглядываюсь на Доминика, который смотрит на меня непроницаемым взглядом.

Ответом мне служит кивок.

Глава 8

Не иначе как из-за опьянения и до отвала наевшись пиццы, я украдкой еще разок смотрю на Доминика, который, после возвращения в гараж, отправился работать над «Шевроле». Он лежит на каталке, и у него задралась футболка, так что мне предстает отличный вид на кубики его живота вместе с очертаниями косых мышц. Отсек, который по моим догадкам используется в коммерческих целях, оказался зоной отдыха. Вокруг старого, ветхого бильярдного стола расположены кожаные диваны.

В сегодняшнем сборище принимают участие я, Шон, Рассел и Джереми, который, как оказалось, работает в гараже вместе с Домиником. Я сижу рядом с Шоном, притулившись в углу длинного обшарпанного дивана из искусственной кожи, пока Джереми и Рассел играют в бильярд. По требованию Шона на заднем фоне негромко играет южный рок. Сам он сидит слева, и его крепкое мускулистое бедро касается моей ноги, а рука лежит на спинке дивана. От тепла и аромата его тела, и вида обнаженной верхней части живота Доминика мне с превеликим трудом удастся не поддаваться бушующим гормонам и держать под контролем фантазию. Однако мои феромоны, должно быть, трудятся сверхурочно, потому что мужчины, с которыми я сегодня гуляю, попеременно на меня глазают. Я не льщу себя мыслями, что они во мне заин-

тересованы. Просто я им любопытна, как и мне любопытны они и их одинаковые татуировки в виде ворона.

Шон сказал, что они сделали их в качестве клятвы, но даже представить не могу, что он хотел этим сказать.

Я подсчитала, сколько раз поглядывала на Доминика, и чувствую себя немного извращенкой из-за внимания, которое ему оказываю. Он самый молчаливый из всей четверки и вместе с тем самый загадочный.

Прямо как Шон. Противоестественно мужчине быть настолько притягательным. Сколько бы раз я ни оглядывала его, мне не удалось обнаружить ни одной неприятной черты.

– Так ты ненавидишь завод, Щеночек? – протяжно спрашивает Шон, а я смотрю, как Доминик перелопачивает ящик с инструментами.

– Перестань меня так называть, – говорю я, ткнув его локтем под ребра.

– Не-а, прозвище останется.

– Там просто... чертовски скучно, – вздыхаю я. – Хорошо, что я творческий мечтатель. – Я отвожу глаза от Доминика как раз в ту секунду, когда он бросает на меня холодный взгляд из-под фургона.

Я смотрю на Шона, который все так же сидит рядом со мной.

– Но мне нравится мой супервайзер.

– Ах, да?

– Да.

Мне не хватает времени, чтобы прочувствовать напряжение от наших переглядываний, поскольку в дальнем конце гаража вдруг распахивается дверь. На пороге стоит Тайлер с двумя упаковками пива.

– Как оно, чмошники?

Он останавливает на мне свой взгляд и расплывается в улыбке, когда я поднимаю руку и еле заметно машу ей. Тайлер размашистым шагом идет прямо к нам, кивая в знак приветствия.

– Здорово, красавица, снова решила заглянуть в наши трущобы? – Он отнимает у Джереми косячок и прикуривает его, а Рассел тем временем берет пиво и закладывает его в большой холодильник, чтобы охладить.

– Не совсем. И да будет вам известно: я росла в маленьком паршивом доме без серебряной ложки во рту.

Тайлер, в глазах которого читается интерес, подсаживается к нам, пытаюсь занять место Шона рядом со мной.

– Тут и так тесно, – говорит Шон с резкими нотками в голосе. С оберегающими нотками, отчего у меня вдруг учащается пульс.

– Ты забыл, я же прирожденный решала проблем. – Тайлер с легкостью поднимает меня и усаживает на колени Шона, и я пытаюсь устроиться поудобнее.

С этими парнями я чувствую себя как дома, словно знаю их куда дольше этих двух дней. Это так странно. Мешают

только флюиды, исходящие от одного определенного мужчины. Я уже давно на него не смотрела и потому разрешаю себе ненароком на него глянуть и вижу, как он наблюдает за руками Шона, за его пальцами, которыми тот как бы невзначай меня обхватывает.

И когда Доминик медленно переводит взгляд на меня, меня вдруг словно бьет током.

Тайлер косится на Доминика.

– Когда ты освободишься, братан? Уже давно пора заканчивать.

Тот отворачивается от меня.

– Двадцать минут.

– А это точно? – спрашиваю я у Доминика, но он игнорирует мой вопрос.

– Наверное, – шепчет Шон вместо него.

– Давайте засечем время? – Я устанавливаю таймер на часах, и Доминик с раздражением качает головой. – Давно тебе принадлежит этот гараж? – спрашиваю я у Доминика, пытаюсь втянуть его в разговор.

– Это семейное дело, – отвечает за него Шон, чтобы избавить меня от грубого молчания в ответ. – Уже много лет существует. Типа твоего семейного бизнеса. – Слышу в его голосе легкую злобу. Становится все более очевидным, что мой отец не самый почитаемый человек в Трипл-Фоллс. Меня это не удивляет. Взглядов, которые сегодня на меня бросали на заводе, хватило, чтобы я почувствовала себя изгоем.

Даже в старших классах школы я не испытывала того, что ощутила сегодня. Я благодарна судьбе за то, что рядом оказались милосердная Мелинда и Шон, иначе наверняка бы заперлась в туалете до самого конца смены.

Я сглупила, выступив с заявлением, что я дочь босса, но не могу повернуть время вспять.

Пригни голову, Сесилия. До свободы всего год.

Когда мои часы звенят, Тайлер встает со своего места и идет к бильярдному столу, а на его место садится Доминик, держа в руке журнал и кожаную сумку.

– Четко двадцать минут, – хвалю я его. Доминик расстегивает сумку и вытаскивает из нее содержимое. В ответ мне снова молчание.

«Я слышала, что они делят женщин».

В голове эхом звучат слова Мелинды. Но с нравом Доминика я не могла себе вообразить подобный расклад событий. Или мое присутствие так действует ему на нервы, что он ушел в себя? У него ко мне явные претензии, и это бросалось в глаза с самой первой встречи.

Неужели это было всего лишь вчера вечером? Кажется, будто прошла целая жизнь, и мне совершенно комфортно на коленях у Шона.

Доминик кладет журнал себе на колени и вытаскивает недвусмысленные самокрутки и большой пакет «травки».

В подростковом возрасте я бы не осмелилась приблизиться к подобной компании. Всегда боялась последствий. Для

них это всего лишь один очередной вечер, тогда как для меня – вступление в совершенно новый мир.

– Где бродила, о чем думала? – шепчет Шон, водя пальцами по моей руке, и от этого движения по коже пробегает дрожь.

Я оглядываюсь на него и отвечаю, видя, что наши губы разделяет всего несколько сантиметров:

– Ни о чем, день был тяжелый.

Чувствую, как его тело чуть напрягается, и мы стреляем друг в друга взглядами, бросая вызов. Если сегодня вечером он меня поцелует, я не откажу. Это я точно знаю. Но окружающей меня наэлектризованности хватает. Я тону в тестостероне, не зная, откуда его столько. Впервые в жизни я настолько безрассудна, что подаю недвусмысленные знаки, и вряд ли меня это волнует. Шон отводит глаза первым, но ведет пальцем по моей руке, и я понимаю, что он правильно понял мои намеки. И в ту секунду я понимаю: если он сделает первый шаг, то это произойдет в приватной обстановке. Я поворачиваюсь и оглядываю гараж, где все ведут непринужденные беседы, подшучивая друг над другом, как это бывает только при очень близких семейных отношениях. Доминик тем временем мастерски скручивает на коленях косячок. Я замороженно смотрю, как он смачивает бумагу, облизывая ее языком. Глаза его опущены, темные ресницы порхают над точеными скулами. Когда он поднимает голову и смотрит на меня своим хмурым взглядом, осторожно проводя языком

по клейкой части, у меня непроизвольно открывается рот.

Чтоб меня.

Шон крепче прижимает меня к себе, и мне приходится сдвинуть ноги. Доминик чертыхается, пытаясь подхватить траву, чтобы она не просыпалась с журнала у него на коленях. Он опасно щурится, когда Шон начинает смеяться. Я льну к Шону, к его твердым мышцам, а Доминик снова высовывает язык, искусно смачивая слюной бумагу.

Как только косяк готов, включается музыка, и разговоры становятся громче. С этого момента я ловлю кайф, но не совсем понимаю, от чего именно. Наверное, от всего в совокупности.

Глава 9

Я просыпаюсь от того, что мне пальцами ласково убирают волосы с лица. Открыв глаза, вижу Шона, сидящего передо мной на корточках, его карие глаза полны нежности. Понятия не имею, когда успела вырубиться, но замечаю, что в уголках рта скопилась слюна. Шон смотрит на меня.

– Я попрошу Доминика отвезти тебя домой, а Тайлер поедет за вами на твоей машине.

– Сколько времени?

– Четвертый час ночи.

– Черт, я так долго проспала? – Я приподнимаюсь и провожу рукой по волосам. Пытаясь очухаться, начинаю подозревать, что за мной наблюдают. Поднимаю голову и вижу, что на меня смотрит Доминик. Он внимательно следит за нашим разговором. Я отвечаю Шону, смотря на Доминика: – Почему он меня отвезет?

Шон следит за моим взглядом.

– Я живу тут рядом, и мне нужно закрыть мастерскую, – угрюмо отвечает он.

Я смотрю на Шона.

– Что-то нерадостный у тебя голос.

Шон дарит мне свою фирменную лучезарную улыбку, словно пытается стряхнуть раздражение.

– Я хотел тебя отвезти.

– Так отвези, – осипшим голосом прошу я, прогоняя сонливость. – Ты же больше тут не работаешь?

– Только сегодня, – скрежеща зубами, отвечает он.

– Ладно. – Я встаю. – Но я сама доеду.

– Пусть он тебя отвезет, – настойчиво просит Шон. – Ты долго спала. Надышалась всякой крепкой хренью. Так будет безопаснее.

Мне немного не по себе. Я провела в накуренном гараже несколько часов, и голова еще была затуманена, поэтому киваю. Я не освоила езду по горным дорогам, особенно с наступлением темноты, поэтому решаю не искушать судьбу.

Выйдя на улицу, я вдыхаю свежий воздух и бреду за молчаливым Домиником к глянцево-старому «Камаро» черного цвета.

– Мило, – замечаю я, когда он открывает мне дверь. Бро-саю взгляд назад и вижу стоящего на пороге мастерской Шо-на, который внимательно за нами наблюдает. Я улыбаюсь и машу ему на прощание, а потом вижу, как он переводит взгляд с Доминика на меня, а после наигранно мне улыба-ется. К этой минуте я видела достаточно искренних улыбок Шона, что понимаю разницу. Он зол. Я оглядываюсь на До-миника и вижу, какой суровый взгляд он кидает на Шона, а потом подгоняет меня сесть в машину и захлопывает дверь. Я едва успеваю понять, что происходит, как Доминик уже садится за руль и заводит «Камаро». Начинает громко орать музыка, и я подскакиваю на месте; урчащий мотор тоже ще-

кочет мне нервы. Доминик не утруждается сделать потише, а поступает как раз наоборот, повернув рукоятку на максимум и пресекая на корню всяческую возможность завести разговор.

Придурок.

По салону машины разносятся резкие звуки гитары, а я разглядываю Доминика, который, положив руку на коробку передач, круто сдает назад. Он даже не смотрит в зеркала заднего вида в поисках встречного транспорта и вылетает с дороги так, словно она является его собственностью.

Обомлев, я оглядываюсь на Шона, и вижу, что он уже ушел.

А потом Доминик вдавливают педаль в пол и летит очертя голову и с бесшабашной прытью. Он плавно переключает скорости и лихо газует на прямых участках дороги. Проходят самые пугающие пятнадцать секунд моей жизни, меня отпускает парализующий страх и я свыкаюсь с такой манерой езды. Тут я понимаю, что увлечена таким приключением, и меня переполняет приятное возбуждение. Сердце гулко стучит в груди, я запрокидываю голову и громко смеюсь.

Я смотрю на Доминика, который мастерски управляет машиной, зная все ухабы мостовой, и придерживается границ желтых полос, словно помня все до единой. Он даже не смотрит в мою сторону, но я точно вижу, как дергаются его губы при звуке моего смеха. Я сдержанно изучаю его в тусклом свете салона, чувствуя в теле вибрации от музыки вку-

пе с рычащим подо мной мотором. Доминик в своей стихии и полностью контролирует происходящее, ведя машину сквозь непроглядную темень. Я едва различаю фары своей машины, как вдруг они гаснут.

Из динамиков ревет «Bundy» группы Animal Alpha, создавая контраст с пугающей ночной тишиной среди окружающих нас вечнозеленых елей. Я кладу руки на приборную панель. Появляется чувство, будто в полете бесшумная машина сжирает дорогу. Упиваясь каждой секундой, я чувствую, как немного меняется обстановка, и начинаю покачиваться под бесовские биты. Если этой поездкой Доминик пытался припугнуть меня или смутить, то, к моему глубочайшему удивлению, он потерпел фиаско.

И пока звучит песня, я на все забиваю, мне все равно до суждений Доминика. Я позволяю себе смаковать эти минуты свободы и возможность отдать свою судьбу в чужие руки. Впервые с приезда в Трипл-Фоллс и начавшегося разлада с матерью я поняла, что моя роль в ее жизни изменилась сильнее, чем мне хотелось бы признать. Теперь я готова принять, что все девятнадцать лет своей жизни чаще, чем она, вела себя как родитель. К себе я относилась строже, чем она. Сама я никогда не подкидывала ей поводов для волнения. Не сосчитать, сколько раз я забирала у матери вино, топтала докуренные до фильтра сигареты и накрывала ее пледом. Я хранила девственность для парня, который, как мне тогда казалось, любил и уважал меня, и притом втайне стыдила

маму за жуткую распущенность, которую она позволяла себе в мои юные годы. Мама рассказывала, что была настоящей оторвой, и я изо дня в день становилась свидетелем последствий ее жизненного выбора. Я принимала диаметрально противоположные решения, чем те, что принимала мать. Но в этот миг, всего на несколько секунд, я обо всем забыла. Чувствуя, как развевает ветер мои волосы, я закрываю глаза и просто... лечу.

И это чертовски раскрепощает. До такой степени, что я расстраиваюсь, когда машина замедляет ход, и Доминик сворачивает на дорогу, ведущую к отцовскому поместью.

Пережив самые острые ощущения за всю свою юную жизнь, я падаю с небес на землю. Мы с Домиником сидим в ожидании, когда на заброшенной дороге зажгутся фары моей машины. Тайлер встает за нами, и я ввожу код от ворот, чтобы впустить оба автомобиля. Арочные ворота открываются, и Доминик медленно въезжает в поместье, обозревая дом, а потом сворачивает ко входу. Остановившись сразу у лестницы, поднимающейся к террасе, он поворачивается ко мне, застывшей в ожидании.

– Еще не решила, залепить тебе пощечину или поблагодарить.

– Тебе понравилось, – скучающим тоном произносит Доминик, но выражение его глаз идет вразрез с тем, что я слышу. Он смотрит на меня с любопытством и, осмелюсь предположить, с интересом.

Я решаю не поощрять его хамское поведение благодарностями и вылезая из машины, хлопнув тяжелой дверью. Подхожу к Тайлеру, который стоит у моей «Камри» со стороны водителя и держит на пальце ключи. Забрав их, тихо говорю ему «спасибо». После дикой встряски и насыщенного событиями дня вдруг чувствую себя выжатой как лимон.

Он подмигивает.

– Всегда рад, еще увидимся.

– Надеюсь.

Я оглядываюсь на Доминика, который с непроницаемым лицом изучает мой дом, сжав челюсти. Никогда прежде не видела мужчину с такой непроницаемой маской. В ушах звучат слова Кристи.

То были мальчишки, а ты найди себе мужчину.

Эти парни совсем не похожи на ребят из моего города. Конечно, они такие же заносчивые, у некоторых заведен точно такой же распорядок, но в этих парнях есть что-то подозрительно иное. Вглядываясь в Доминика, я задаюсь вопросом, а так ли это хорошо. Вспоминаю улыбку Шона, ее лучезарность, радостный блеск в его глазах и заботу, которой он меня окружает – и притом не важно, нужна мне она или нет. Это меня успокаивает. Доминик чувствует, как я пристально за ним наблюдаю, и, едва удостоив меня взглядом, дергает головой, веля Тайлеру садиться в машину.

– Спокойной ночи, Сесилия. – Тайлер минует короткое расстояние до «Камаро» Доминика и садится в машину, за-

няв мое место спереди. Когда блестящая черная дверь закрывается, с меня словно спадают чары. Машина срывается с места и уносится прочь, а я поднимаюсь на террасу и захожу в дом, радуясь, что меня не встречает отец.

Той ночью я ложусь в постель и оставляю балконные двери открытыми. Чувствую, как по комнате летает прохладный ночной ветерок и, окутывая мою кожу, возвращает мыслями в «Камаро» Доминика.

Я засыпаю и вижу яркие сны про карие глаза, приподнятые в улыбке губы, расплывающиеся перед глазами деревья и бескрайние дороги.

Глава 10

На следующее утро, повспоминав под душем свои сны, я спускаюсь по лестнице с беззаботной улыбкой и придумываю на ходу оправдание. Решимость покидает меня, когда я прохожу через холл и вхожу в столовую. С облегчением отмечаю, что в ней никого нет. Но радость длится недолго. Я слышу уведомление на телефоне и вижу письмо от отца с темой «Гости». Роман Хорнер не пишет сообщения – это слишком лично. Он ведет переписку со своим ребенком посредством электронной почты.

«Ты взрослая женщина, и я понимаю, что условия пребывания в моем доме могут мешать твоим досуговым мероприятиям из-за плотного рабочего графика. Вместе с тем, я вторую ночь подряд просыпаюсь из-за твоего позднего возвращения домой и шума, который ты устроила у входной двери. Впредь постарайся приходить домой вовремя и уважай заведенные мной порядки, Сесилия. Количество гостей сведи к минимуму. Я вынужден остаться по работе на несколько дней в Шарлотт. Сегодня придет домоправительница. Пожалуйста, сообщи ей, если тебе что-нибудь понадобится».

Роман Хорнер,

Генеральный директор «Хорнер Технолоджис».

Я еле сдерживаюсь, чтобы не отправить в ответ эмоджи с закатанными глазами. Вместо этого отвечаю: «Да, сэр».

Уже хочу связаться по «Фейстайму» с Кристи, как звонит мой телефон.

– Привет, мам, – отвечаю я по пути на кухню за йогуртом.

– Прошло два дня, а от тебя ни звонка.

– Была занята. Я и Кристи-то нечасто звонила.

– По-твоему, меня это должно утешить?

– Да. Я звоню ей каждый день утром и вечером.

Молчание. Я виню ее и из-за этого веду себя как сволочь.

Мама прекрасно понимает, что отстранилась от меня с тех пор, как в ее жизни случилось затишье.

– Как там дела?

– Все нормально.

– Ты же помнишь, как я ненавижу это слово.

– Как и следовало ожидать, Роман безучастный. Я всерьез не понимаю, что ты в нем нашла.

– Это было давным-давно. В другой жизни. – У нее безрадостный голос, и мне любопытно, удастся ли узнать, каким чудом я появилась на свет.

– Вы совсем, совершенно непохожи. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. – Я слышу улыбку в ее голосе.

– Ой, заткнись.

Мы смеемся, а когда успокаиваемся, ее затянувшееся молчание вынуждает меня нервничать.

– Мам, с тобой все хорошо?

– Он говорит обо мне?

– Нет. Мы даже погоду не обсуждаем. А что?

– Просто не хочется, чтобы он рассказывал обо мне плохое.

– А я ему все равно не поверю. Это не он меня растил.

Слышу, как мама вздыхает.

– Наверное, это меня утешает.

– Ты точно в порядке?

– Да. Мне невыносимо, что ты уехала. Я как будто тебя подвела.

– Ты имеешь полное право на передышку. Со всеми случается время от времени, согласна?

– Ты права. Но если тебе там нестерпимо...

– Нет. Я живу отшельницей. Как будто оказалась на курорте, где нет обслуживающего персонала. Справлюсь.

– Уверена?

«Ради тебя смогу», – вот что хочется сказать.

– Уверена.

– Люблю тебя, ребенок.

Глава 11

Первые две недели на заводе проходят вполне терпимо благодаря моему супервайзеру и удлиненным перерывам, которые он мне предоставляет. И все же, проходя мимо коллег, я слышу, как они шепчутся за моей спиной, да и невозможно не заметить презрительные усмешки одной женской компании, которая, скорее всего, ненавидит меня из-за моей фамилии. Одна из этих женщин, красивая латиноамериканка по имени Вивика, постоянно пялится на меня так, словно дни мои сочтены. Видимо, новость, что я дочь владельца, быстро разлетелась по заводу, потому как все чаще мои улыбки остаются без ответа.

Я, как прирожденная пацифистка, пытаюсь этого не замечать, подставить другую щеку и пригнуть голову. Если до этого момента я не сравнивала работу на заводе с судебным приговором, то теперь у меня появились все основания так считать. Шон тоже замечает эти взгляды, но никто не задает ему вопросов, когда он уводит меня из цеха. Хоть Мелинда и не выражает вслух свое неодобрение, все же не гнушается с подозрением на меня поглядывать, когда я ухожу с нашего рабочего места. Впрочем, похоже, врагом номер один являюсь только я, потому что все на заводе обожают Шона, и у него дружеские отношения с большинством сотрудников. Парадокс в том, что, мне удастся выживать на заводе благо-

даря тому, что я с ним, а вовсе не своей фамилии.

С момента нашего знакомства мы почти не расстаемся. Либо перед сменой зажигаем у бассейна, либо проводим вечера в гараже, где парни по очереди учат меня играть в бильярд. Рассел, Тайлер и Джереми постоянно там закупают, а Доминик чаще всего отсутствует. Изредка он все-таки заявляется в гараж, но даже тогда не обращает на меня внимания. И все же, если я ловлю на себе взгляд Доминика, то начинаю нервничать из-за выражения его лица – на нем всегда любопытство вкупе с презрением. Я не раз пыталась набраться смелости и спросить у Доминика в лоб, какие у него ко мне претензии, но вечно трушу.

С приезда в Трипл-Фоллс я была окутана вниманием Шона в прямом и переносном смысле, и чаще всего это происходило в оазисе за домом моего отца. Однако всякий раз, как атмосфера начинает располагать к интиму, Шон целует меня в висок, а не в губы, и выпускает из объятий. Иногда он наклоняется, дразня своими губами, и у меня перехватывает дыхание в надежде, что Шон поцелует меня не в висок или щеку, а туда, где я так давно мечтаю ощутить его поцелуи, что уже устала об этом грезить. Шону словно мало читающегося в моих глазах разрешения, чтобы сделать первый шаг. Я неоднократно замечала, как он водил языком по пирсингу в губе, смотря на меня взглядом, четко говорящим, что мы уж точно не дружбу водим. Когда Шон рядом, в животе появляется трепет, а тело вытягивается в струнку,

стоит ему привлечь меня к себе. Я наизусть выучила его тело, каждый день изнывая от желания перевести нашу дружбу на другой уровень. Из-за несогласия Шона подчиниться обоюдному сексуальному влечению хочется лезть на стену. И все же я получаю удовольствие от этого приятного предвкушения, от его взглядов, которые он бросает на меня, когда я играю в бильярд, от ощущения его пальцев, которыми он обводит дорожку воды на моей коже. Это и расстраивает, и захватывает дух. Я не единожды посреди работы ловлю себя на том, что опять предаюсь мечтам, пока Мелинда лопочет о своих друзьях из церкви, чаще всего рассказывая про жену пастора. И не в лестном смысле. Но с тех пор, как в мою жизнь неожиданно ворвался Шон, сны я вижу только о нем, стоит моей голове коснуться подушки. Открывая глаза, я понимаю, что улыбаюсь во все тридцать два зуба, вспоминая последний сон, в котором Шон пробирался ко мне в воде под лучами солнца.

На секунду я лелею мечту снова погрузиться в безмятежное видение, чтобы продолжить наше randevu, как вдруг мой телефон вибрирует, оповестив о входящем сообщении.

Шон: «Думаю о тебе».

«О чем думаешь?»

Шон: «О всяком-разном».

«Может, уточнишь?»

Шон: «Как-нибудь в другой раз».

«Дома никого, если хочешь поплавать».

Шон: «Отлично, потому что я уже у твоего дома».

Выскочив из постели, я бегом спускаюсь по лестнице и открываю дверь, увидев на пороге Шона с влажными после душа волосами, прелестно спутавшимися на макушке. Он стоит, прислонившись к своей «Нове» со скрещенными руками. Шон одет в шорты, ботинки и черную майку, а я стою в дверях бог знает в каком виде.

Я краснею и провожу пальцами по волосам.

– Только что проснулась.

– Ты красивая. – Он идет ко мне.

Я киваю за плечо.

– Можешь зайти. Папы не будет до позднего вечера.

Шон наклоняется, чтобы поздороваться со мной поцелуем в щеку, но я уклоняюсь.

– Еще зубы не чистила.

– Да пофиг. – Он наклоняется и приникает губами к моему подбородку в томительном поцелуе, отчего атмосфера между нами накаляется.

Затаив дыхание, я еле сдерживаюсь, чтобы не притянуть Шона к себе.

– У тебя есть походные ботинки?

Его вопрос сбивает меня с толку.

– Эм, да.

– Оденься полегче и надень их. Хочу кое-что тебе показать.

– Ты ведешь меня в поход?

Поход – последнее, чем я хочу с ним заняться.

– Ты не пожалеешь.

– Как красиво, – выпаливаю я на одном дыхании, когда мы карабкаемся по очередным валунам на край горы. Я пытаюсь взобраться на скалу, мышцы протестующе ноют, а голень касается мох. Шон сзади следит за каждым моим движением. Я опускаю взгляд вниз и наблюдаю, как он, касаясь кожи дыханием, придерживает меня за бедра на случай, если я оступлюсь.

– Не могу не согласиться. – Он придерживает меня за задницу, помогая перелезть через большой валун. Я перебираюсь и чувствую, как подкашиваются ноги от явного намека в его голосе.

– Куда ты меня ведешь? – спрашиваю я и, сделав послед-

ний шаг, люблюсь видом. Шон поднимается следующим, за спиной у него висит огромный, тяжелый рюкзак, который вообще не мешает ему подниматься. Шон хватает меня за руку и переплетает наши пальцы.

– Теперь уже недалеко.

Смотрю на часы. Я должна встретиться за ужином с Романом, и меня бесит, что я до сих пор при мысли о нем испытываю тревогу. Мне будто снова одиннадцать лет. После нескольких трапез нам все также неловко, как и в первые дни после моего приезда.

– Сколько времени? – спрашивает Шон, стрельнув глазами в мою сторону.

– Еще рано.

– Куда-то спешишь?

– Нет, извини, просто дело в моем отце. – Я встревоженно вздыхаю. – Должна с ним поужинать.

– Но ужин еще нескоро.

– Верно, – произношу я так, что мой ответ больше похож на вопрос.

– Значит, сейчас ты свободна, здесь и со мной.

Я останавливаюсь и хмурю брови.

– А-га-а.

– Значит, ты и должна быть тут, со мной.

– Так и есть.

– Это вопрос?

– Нет. Я же с тобой.

– Но думаешь о своем отце.

– Ничего не могу с собой поделаться.

– Уверена в этом?

Я хмурюсь.

– Это тест?

– Как поется в гимне: «Над землей свободных и домом храбрых», – бормочет Шон, на ходу качая головой.

– Да, и правда. – Я иду за ним. – К чему ты клонишь?

Шон снова поворачивается ко мне.

– Я про то, что это страна умственно ущербных, зависящих от электроники рабов, которым промыли мозги средствами массовой информации.

– Ты только что меня оскорбил. И, думаю, сильно.

– Извини, просто уточняю. Зачем тратить текущее время на беспокойство о будущем?

– Текущее время?

– Это единственно важная мера времени. Время само по себе невидимая линия, мерило, которое придумали люди. Ты и сама это знаешь. И хотя время помогает ориентироваться, но оно все же способно вызвать дикий стресс, потому что ты позволяешь ему собой управлять.

Даже не смею опровергнуть его правоту. Мысли об ужине с Романом портят мне времяпровождение с Шоном.

– Ладно, извини.

– Не извиняйся. Просто не давай времени властвовать над тобой. Настоящее – это настоящее, будущее тоже когда-ни-

будь станет настоящим. Не будь рабом, помешавшимся из-за попыток подогнать себя под время. Настоящее – единственное, что тебе подвластно, но даже так это всего лишь иллюзия.

– Странный ты человек, – смеюсь я и качаю головой.

– Возможно. Или, возможно, всем уже нахрен пора очнуться и освободиться от коммерческого строя. Но люди не перестанут это делать, потому что им слишком удобно в своих пуховых одеялах, купленных через рекламу в «Инстаграме».

– А теперь ты намекаешь, что я слишком удобно устроилась?

– Смотря по обстоятельствам. – Он берет меня за руку, медленно расстегивает мои часы, бросает их на землю и разбивает вдребезги одним ударом ботинка.

– Охренеть! – Открыв рот как рыба, я таращусь на него. – Это невежливо!

– Что ты теперь чувствуешь?

Я поднимаю с земли разбитые часы и честно отвечаю:

– Мне обидно.

– Да, но сколько сейчас времени?

– Как видишь, теперь я понятия не имею, – огрызаюсь я и запихиваю уже бесполезные часы в шорты.

– Поздравляю, малышка, это свобода.

– Она нереальна.

– Для тебя. Ты еще живешь по расписанию, – Шон при-

жимает палец к моему виску, – вот здесь.

– Я поняла. Ты намекаешь, что мне нужно передохнуть, бла-бла-бла. Вот только был же менее болезненный способ донести свою точку зрения.

– Да, но ты не понимаешь, тебе нужно перестроить свой мозг. Готов поспорить, ты бы обозначила границу, если бы я попытался разбить ботинком и твой телефон.

– Ты чертовски прав, так я бы и сделала.

– Почему?

– Потому что мне он нужен.

– Для чего?

– Для... всего.

Шон вытаскивает из кармана сигарету, поджигает и, зажав пальцами, тыкает ею в мою сторону.

– Задумайся всерьез. Сколько раз за сегодняшний день тебе понадобился телефон?

– Например, он понадобился, чтобы написать тебе ответ.

– Я легко мог позвонить в дверной звонок. Но я знаю, что ты бы ответила до того, как открыла дверь, и знаешь почему?

– Я сидела в телефоне.

Шон кивает.

Он возобновляет наш поход, и я с неохотой иду за ним, все еще обижаясь из-за часов.

– Полагаю, у тебя нет страничек в соцсетях?

Шон вздыхает.

– Нахрен мне это. Худшее, что мы вообще могли сде-

лать, – это дать всем микрофон и место, где можно им воспользоваться.

– Почему?

Он останавливается на поляне и поворачивается ко мне. В его глазах ни намёка на веселье.

– Сотня самых простых причин.

– Тогда назови мне самую главную.

Хорошенько затянувшись сигаретой, Шон задумывается на мгновение над моим вопросом.

– Ну ладно, – выдыхает он, – кроме постепенного и неминуемого осквернения природы человека, есть еще один сценарий, и я тебе его поведаю.

Я киваю.

– Представь человека, родившегося с уникальным даром хранения знаний. В процессе обнаружения своего дара такие люди идут напрямик на работу, долгие-долгие годы учатся, чтобы довести этот дар до совершенства и превратить его в суперсилу, став уникальными в своем роде источниками знаний. Учатся, чтобы их уважали, считали силой – в общем, становятся теми, с кем действительно считаются. Улавливаешь мысль?

Я снова киваю.

– И может, такой человек перенес потерю. Возможно, умирает близкий ему человек, и эта смерть ставит вопрос, на который у него нет ответа, поэтому он считает своей миссией найти ответ на этот вопрос и не прекращает попыток, по-

ка не находит неопровержимое доказательство, куда отправились дорогие ему люди. Поэтому он живет, питается, дышит каждую минуту каждого дня своей жизни в поисках ответа на один-единственный вопрос. И однажды этот день настает. Он добивается своего и притом преобразовывает свою теорию в факты. Если он расскажет про это доказательство, то все узнают, что могут изменить жизнь. И скажи этим людям, что можно доказать не только существование загробной жизни, но и существование самого Бога, им больше не понадобится вера. Он настоящий. Так вот, у него появляется доказательство, что жизнь не бессмысленна, смерть, которую все оплакивали, не бесплодна. У него есть ответ, и он хочет поделиться им с остальными. – Шон снова затягивается сигаретой и долго выдыхает струйку дыма, а потом поднимает на меня взгляд карих глаз. – Человек публикует это в социальных сетях, чтобы мир наконец получил ответ на вопрос, который мучил людей на протяжении долгих веков. Что произойдет тогда?

– Мы ему не поверим.

Шон задумчиво кивает.

– Того хуже. Какая-нибудь Бетти Лу развенчает это доказательство за десять минут. Не важно, права она или нет, но у нее миллионы последователей, а ее вера – это Бог. Поэтому тот, другой человек, человек с доказательствами, фактами, видео оказывается банальным шарлатаном из Интернета, ведь так сказала Бетти. Поэтому миллионы людей не стали

его слушать, не слушали и их друзья, потому что Бетти всегда права. И все же этот мошенник, уверенный в своей правде, у которого есть неопровержимое доказательство, умоляет остальных мошенников выслушать его, но никто не хочет, потому что всем дали слово. И теперь мы никогда не узнаем о существовании Бога, и многие по-прежнему будут проживать каждый день с мучительным страхом смерти.

– Это так грустно и... – я приподнимаю брови, – так правдиво.

Выдохнув еще раз, Шон отбрасывает щелчком окурочек и приминает его ботинком.

– Самая печальная правда, что есть только один способ одолеть страх смерти – умереть.

– Божечки.

Шон улыбается.

– Уверена? А если Он слышит?

Я закатываю глаза.

– Ты меня убиваешь.

– Почему такая фигура речи? Смерть тебя пугает?

– Перестань перевирать мои слова. – Я шлепаю его по груди.

Шон хихикает, а потом пожимает плечами, открывая бутылку с водой.

– Сама спросила. Просто передаю сообщение.

– Так вся эта красноречивая история не твоя?

Шон отхлебывает большими глотками из бутылки, а по-

том закрывает ее и отводит глаза в сторону.

– Нет. Не моя. Всего лишь очередного мошенника.

– Но это то, во что ты веришь?

Он уверенно смотрит мне в глаза.

– Это кажется мне разумным. По мне, звучит правдоподобно. Так я живу. – Шон наклоняется. Он близко, очень близко. – Или возможно... – Он смахивает с моего лба пропитанный испариной локон и, вытаращив глаза, ослепительно мне улыбается. – Я всего лишь очередной мошенник.

– Наверное, – тихо произношу я. – И ты повинешься часам, потому что обязан вовремя приходить на работу, – напоминаю я.

– Ты меня подловила. Но мое свободное время только мое. Я не раб времени. И, если честно, мое рабочее время тоже принадлежит мне.

– Это как?

Положив руку мне на спину, Шон подталкивает вперед.

– Почти пришли.

– Ты не собираешься отвечать?

– Нет.

– Ты невыносим, – бурчу я.

Я совсем не ожидала встретить такого мужчину и все же не могу оправиться от сказанного им или от мысли, что понимаю, что он хочет сказать и во что искренне верит. Вряд ли мне попадался на жизненном пути настолько уверенный в себе человек, настолько прочно стоящий на земле. Я пла-

но перевозжу взгляд на совершенство, которое являет собой Альфред Шон Робертс. Он в задумчивой тишине идет рядом со мной.

– Так в чем твоя суперсила? – спрашиваю я, немного задышавшись от попытки подстроиться под его темп ходьбы.

– Я хорошо разбираюсь в людях. Предвижу, чего они хотят. А твоя?

Несколько секунд я раздумываю над его вопросом.

– Не знаю, считается ли это суперсилой, но чаще всего по утрам я помню свои сны... ярко. А порой, если резко просыпаюсь, могу их продолжить. Иногда сама в них погружаюсь.

– Начинаешь с того места, на котором проснулась?

– Ага.

– Круто. А я сплю так крепко, что свои сны даже не запоминаю.

– Иногда они причиняют боль, – признаюсь я. – Настолько сильную, что целый день испорчен от чувств, которые пробуждают эти сны. Так что это не всегда круто.

Шон кивает, взглядом рыская по деревьям, а потом снова смотрит на меня.

– Думаю, у каждой суперсилы есть цена.

Путь по протоптанной дорожке указанного маршрута у склона горы кажется вечностью. Как только мы оказываемся у очередной груды камней, я прихожу в восторг от картины, которая нас окружает, и моего нового дворика. Я несколько недель ездила по узким дорогам и крутым горным склонам,

но мне даже в голову не приходила мысль пройти вглубь леса и посмотреть, что за ним скрывается. Целиком занятая своими переживаниями, я даже не ожидала, что мне так полюбится это умиротворение, свежий воздух, естественный запах и пот на коже. Теперь я смотрю на Шона новыми глазами.

– Так ты превратишь меня в горного хиппи.

– Будем надеяться.

Увидев Шона утром, стоящим у машины, и проведя с ним несколько часов в походе, я в какой-то момент позволила выпустить на волю то, что долгие годы держала под замком – свое тянущееся за романтикой сердце. И начала надеяться. Шон чересчур легко дал мне повод выглянуть из-за щита горечи, за которым я пряталась. Чувствую это влечение от каждого взгляда, каждого прикосновения, каждого непринужденного словесного обмена, дающих мне понять, что, быть может, выйти из своего убежища и осмотреться не так уж и опасно.

Не знаю, что нас в будущем ждет, но мы еще не так долго встречаемся. Даже если Шон объявил время нашим врагом, я прекрасно осознаю, каким хрупким бывает доверие, как оно может вмиг разбиться вдребезги. Время показало мне, что можно оказаться обманутой за считанные секунды. У меня был недолгий опыт отношений с мужчинами, но мне изменяли и лгали, меня унижали. Я приложу все усилия, чтобы такое больше не повторилось. У меня еще не было положительного опыта в доверии своим инстинктам касае-

мо мужчин. А после последней катастрофы я пообещала себе, что буду осмотрительнее. Следующему мужчине, завоевавшему мое сердце, придется постараться, чтобы заслужить мою привязанность. Красивых слов и пустых обещаний недостаточно. И все же обещание, которое я себе дала, и мое новое намерение временно сбежать из тюрьмы, плохо друг с другом вяжутся. Шон – запретное яблоко в моем новом саду безбрачия. Я хочу его телом. И совершенно ясно, что мое чувство взаимно. Может, не стоит загадывать дальше.

– О чем задумалась?

– Просто рада тут оказаться.

Он недоверчиво косится на меня.

– Я бы назвал это полной лажей.

– Я давно... ни с кем не встречалась. – Не совсем понимаю, подходящее ли это слово.

Шон смотрит на меня.

– И что?

– Это было давно – вот и все.

– Что случилось с последним парнем?

– Ты первый, – говорю я, когда Шон перешагивает упавшую ветку и с легкостью поднимает меня, чтобы я ее не задела.

– Мою последнюю девушку звали Бьянка. Она любила манипулировать, поэтому мы быстро расстались.

– Как именно она манипулировала?

– Она хотела меня контролировать. Я такое ненавижу.

Она хотела манипулировать моим настоящим, но оказалось, что мне чаще хотелось сбежать от нее, чем терпеть ее выходки. Я расстался с ней. Твоя очередь.

– Он изменил мне в туалете клуба на мой восемнадцатый день рождения.

– Ого.

– Да, тот еще урод. Если честно, меня насчет него предупреждали. Моя лучшая подруга Кристи его ненавидела, а я ее не слушала. – Я смотрю на него с намеком. – Насчет тебя меня тоже предупреждали.

Шон закатывает глаза.

– Я знал, что нужно принести тебе наушники.

– Мелинда действительно любит поболтать.

– Она знает лишь то, что, по ее мнению, она знает.

Еще несколько шагов – и я замираю от звука, донесшегося из-за деревьев.

– Что это?

– Пойдем. – Шон ведет меня через очередную поляну из сплошного кустарника и заводит за угол. У меня отвисает челюсть и округляются глаза, когда я замечаю нависающий над нами водопад, а за ним глубокую пещеру, если ее можно так назвать. Она полностью видна из-за воды и скорее напоминает небольшую бухту.

– Господи, никогда ничего подобного не видела.

– Класс, да?

Через минуту мы стоим за водопадом, вода стекает в

небольшой бассейн в самом низу. Я поворачиваюсь и вижу, как Шон кладет свой рюкзак и расстилает толстое одеяло.

– У нас будет пикник за водопадом?

– Круто же?

– Очень круто. – Я отхожу, пока Шон распаковывает рюкзак, отказавшись от моей помощи, и глазею, как он раскладывает разные контейнеры. Сыр и крекеры, злаковые батончики, фрукты. Так незамысловато, но только от одного проявления такой доброты замирает сердце. Шон достает несколько бутылок с водой, а потом протягивает мне руку. Это мечта, ожившая мечта. Этот мужчина с загорелой кожей и светящимися глазами тянется ко мне на фоне окружающей нас природы. Поборов желание вцепиться в него, я сажусь рядом на одеяле, наслаждаясь видом и чувствуя, как в попу впиваются несколько камешков.

– Необыкновенно.

– Рад, что тебе нравится. Рядом есть еще водопады, но этот уединенный.

– Он уединенный, потому что мы вторглись в национальный парк, – с улыбкой замечаю я. – На случай, если ты не заметил знак «Проход запрещен».

Шон пожимает плечами.

– Всего лишь очередные воображаемые границы.

– Вроде времени, да?

– Да, вроде времени. – Он убирает с моего лба намокшие от пота волосы. Голос Шона окутывает меня теплом: – С

днем рождения, Сесилия.

– Спасибо. Классно, что ты запомнил.

– Ты упоминала, что скоро у тебя день рождения, и я уточнил дату в отделе кадров.

– Твой план намного интереснее моего, – признаюсь я, вдыхая прохладный туман, поднимающийся от водопада. Ниже на камнях сияет небольшое облачко радуги, и я мысленно запечатлеваю эту красоту. Я бы не хотела оказаться в другом месте.

– А что ты планировала?

– Читать. – Я оглядываюсь. – Но теперь мой план выглядит жалким. – Я смотрю на него и озвучиваю вопрос, который очень хотела задать: – Ты настоящий?

Открывая контейнер и закинув в рот кусок сыра, Шон хмурится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.